

¹⁴³ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. М., 1997. Т.3, ч.1. С.219.

¹⁴⁴ Ланно Ф.И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (по материалам 3-й ревизии) // ЕАИВЕ. 1960. Киев, 1962. С.236-247.

¹⁴⁵ Изменения в административно-территориальном делении в течение 1-й половины XVIII века и карты региона см.: Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т.1. С.102-125; Водарский Я.Е. Население России... С.251,256-259.

¹⁴⁶ Обработка массовых источников производилась на базе электронных таблиц Excel 97, 2000.

Нецелые итоги округлялись на этапе занесения данных в приложение. По этой причине ряд результатов может казаться ошибочным. Пример см.: Приложение 31. Строка: «Потемкины». По данным на 1700 г. у представителей рода в Ряжском уезде было 37, а в Чернском — 9 дворов. При пересчете в души мужского пола (4,5 души м.п. на двор) получаем соответственно 166,5 (округленно — 167) и 40,5 (округленно — 41). Сумма округленных значений — 208. Однако суммарное число душ, принадлежавших Потемкиным согласно расчетам (166,5 + 40,5), равняется 207 (см.: столбец «1700 г. / душ м.п.»).

¹⁴⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т.I-XVII.

¹⁴⁸ Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986; Проект Уложения 1754-1766 гг. Глава XXII. О дворянах и их преимуществах // Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754-1766 гг. (Часть III «О состояниях подданных вообще») / Под ред. В.Н.Латкина. СПб., 1893. С.174-188.

¹⁴⁹ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726-1730 // Сб. РИО. СПб., 1888. Т.63; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Там же. СПб., 1898. Т.104; 1899. Т.106; 1900. Т.108; 1901. Т.111; 1902. Т.114; Юрьев, 1904. Т.117; 1905. Т.120; 1906. Т.124; 1907. Т.126; 1909. Т.130; 1912. Т.138.

¹⁵⁰ Документы по Межеванию 30-х гг. XVIII в. // МВ. 1884. № 7. С.49-52; № 8. С.53-63.

¹⁵¹ Переписи населения России: Итоговые материалы подворных переписей и ревизии населения России (1646-1858). М., 1972. Вып.III. С.111-165.

¹⁵² Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646-1858) // Переписи населения России: Итоговые материалы подворных переписей и ревизии населения России (1646-1858). М., 1972. Вып.I. С.18-19.

¹⁵³ Дворянство. С.34-91.

¹⁵⁴ Отписные книги (1 четверть XVIII в.) // Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951.

¹⁵⁵ См. также: Алефиренко П.К. Отписная ведомость... С.307-309; она же. Крупное вотчинное хозяйство... С.137-152

¹⁵⁶ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. В 4-х ч. СПб., 1854-1857. Ч. 1-4; Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892; Дворянские роды внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи. В 2-х ч. / Сост. гр. А.А.Бобринский. СПб., 1890. Ч.1; Двор русских императоров в его прошлом и настоящем / Сост. Н.Е.Волков. СПб., 1900; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. В 2-х т. 2-е изд. СПб., 1895. Т.1-2; История родов русского дворянства / Сост. П.Н.Петров. В 2-х кн. М., 1991. Кн.1-2; Дворянские роды Российской империи / Сост. П.Х.Гребельский и др. СПб., 1993. Т.1. Князья; Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 год. СПб., 1889 и др.

¹⁵⁷ Работы упоминаются в ссылках к обзору источников.

¹⁵⁸ По теме исследования автором опубликованы следующие работы: Черников С.В. К вопросу о поместных дачах из Дикого поля и порожжих земель в первой половине XVIII в. // Вестник ЛГТУ-ЛЭГИ. 1999. № 3 (4). С.135-141; он же. К проблеме эволюции родовой структуры дворянского поместья-вотчинного фонда в Центрально-Черноземной России в 1-й половине XVIII века // Там же. 2000. № 1. С.55-57; он же. Размещение и структура дворянских имений в Центрально-Черноземной России в 1-й половине XVIII века // Там же. 2000. № 2. С.123-128; он же. Право однопольщиков на землю в проекте Уложения 30-х гг. XVIII в. // История крестьянства в России: Материалы шестнадцатой Всероссийской заоч. науч. конф. СПб., 2000. С.38-39; он же. Переворот 25 ноября 1741 г.: власть и собственность // Русь, Россия. Политические аспекты истории: Материалы двадцать четвертой Всероссийской заоч. науч. конф. СПб., 2002. С.39-43; он же. Этапы крепостнической колонизации Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII в. // Отмена крепостного права и судьбы русского крестьянства. К 140-летию отмены крепостного права. Материалы VI областных историко-философских чтений. Липецк, 2003. С.42-46.

ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В 1-й ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

1. Особенности земельного права России 1-й половины XVIII в.

Основным экономическим содержанием феодальной собственности на землю являлись рентные отношения между зависимым крестьянством с одной стороны и сословием феодалов и государством с другой. Вместе с тем существует юридический аспект проблемы.

Характерной чертой феодального права, в том числе и позднего периода, было отсутствие четких границ между правом собственности и другими вещными правами (распоряжения, владения, пользования). Правосознание и законодательство России 1-й половины XVIII века так же, как и средневековое европейское право, использовали для обозначения обладания какой-либо вещью, объектом термин «владение». Отношения собственности (само понятие появляется в отечественном законодательстве только в 1767 г.¹) рассматривались лишь как более «твердое», более обоснованное, наследственное владение. В числе причин подобного положения дел необходимо отметить, что «в феодальном обществе преобладающую роль играло не право свободной, необремененной собственности, обеспечивающее его носителю... полноту всестороннего и исключительного господства над вещью, но разнообразные формы связанной, обремененной» и условной собственности.² Кроме того, феодальная собственность по самой своей природе предполагала множественность субъектов отношений собственности одновременно.³ Несмотря на существенное упрощение иерархии земельных собственников, к началу XVIII века между феодалом и верховным собственником — государем — сохранялось, промежуточное звено — дворянский род. Как следствие этого, собственность отдельно взятого представителя дворянского сословия в значительной степени была ограничена как правами рода, так и правами монарха.⁴ Вместе с тем, как справедливо замечал М.А.Барг, «перед лицом своих наследственно-зависимых крестьян» дворянин являлся носителем права «свободной, неделимой, безусловной» и полной собственности.⁵

Среди основополагающих черт феодальной собственности следует назвать и тесную взаимосвязь земельных отношений с публично-право-

выми функциями. В качестве одной из форм этого единства на этапах развитого и позднего феодализма выступала вотчинная юрисдикция землевладельца по отношению к крепостному крестьянству.⁶ Вследствие этого, не подвергая сомнению общую направленность эволюции феодальной собственности в России в сторону постепенной концентрации прав на землю в руках непосредственного ее владельца, необходимо учитывать, что превращение феодальной собственности в частную предполагало не только максимальное расширение прав по отношению к объекту собственности, но также и концентрацию публично-правовых функций в руках государства. Этот процесс завершился лишь после ликвидации крепостной зависимости.

В 1-й половине XVIII века существовало деление недвижимости на родовую (полученную по наследству, либо купленную из поместья в вотчину и субъектом собственности которой являлся дворянский род), выслуженную (полученную от короны в качестве вознаграждения за службу) и благоприобретенную (право на которую приобреталось путем частных сделок с чужеродцами и казной). Традиционно выслуженные вотчины приравнивались по статусу к родовым. Переход имения из разряда благоприобретенного в число родового происходил в случае его однократного наследования родственником. Родовое имущество, проданное родственнику, не переставало быть родовым.⁷

Законодательные акты 1-й половины XVIII века позволяют нам выявить, какой смысл вкладывался в данное время в термины «недвижимое» и «движимое имение», рассмотреть изменение их дефиниции, а также причины этой эволюции. Впервые сущность понятия «недвижимые вещи» раскрывалась в пунктах о единонаследии 1714 г., и под этим термином подразумевались вотчины (родовые, купленные, выслуженные), поместья, а также дворы и лавки.⁸ Указ 25 октября 1730 г. включал в категорию недвижимого имения примерно тот же перечень объектов собственности — поместья и вотчины, дворы, лавки, амбары, каменные погреба, соляные варницы «в Москве и по городам». Вопрос о том, к какой категории имуществ относились «люди и крестьяне», решался данным законодательным актом весьма нечетко.⁹ Однако проект Уложения 1720-1725 гг. рассматривал их как «недвижимое».¹⁰ Следовательно, под терминами «вотчина» и «поместье» в указах 1714 и 1730 гг., по всей видимости, подразумевалось имение как единый территориально-хозяйственный комплекс, в том числе поселенные в нем крепостные. В пользу указанного толкования говорит и Сенатский доклад, поданный императрице в конце 1730 г., в котором упоминалось, что при разделе имений по пунктам 1714 г. «в деревнях обретающийся хлеб, лошади и всякой скот» ошибочно «за движимое почитают».¹¹ Таким образом, необходимость единонаследия в период с 1714 по 1730 г., а также стремление правительства сохранить дворянские имения как единое производственное целое предопределили включение в состав недвижимого имения тех имуществ, которые должны были быть и позднее были отнесены к движимости.

Значительный интерес с точки зрения разрешения вышеозначенной проблемы представляет глава I «Что есть движимое и недвижимое ...» про-

екта Уложения, составленного в правление Анны Иоанновны. В нем сохранилось три варианта статьи, посвященной дефиниции понятий «движимое» и «недвижимое имение».¹² Первый вариант датируется 20 сентября 1731 г., время составления второго относилось к периоду между 8 декабря 1738 г. и 6 апреля 1739 г., третий вариант, самый поздний, также был составлен до 6 апреля 1739 г.¹³

В первом варианте к недвижимому имению отнесены: 1) вотчины (родовые, выслуженные, купленные) и поместья, 2) дворы, сады, пруды, мельницы, «пчелы», «всякия заводы и фабрики какова б звания ни были», находившиеся в поместьях и вотчинах, 3) дворовые люди и крестьяне с землею и без земли, 4) «всякия по вотчинным делам иски и возвращенныя по вотчинам выкупныя деньги, которыя взять надлежит, а до смерти вотчинника в дом не взяты», 5) скот, птица и хлеб в деревнях вотчинника.

К движимому относились: 1) городовые и загородные дворы и лавки, 2) заводы и фабрики, построенные, «кроме деревень», на городских и загородных дворах, на наемных и на данных к фабрикам и заводам землях, 3) «в тех дворах и заводах... всякие пожитки», наличные деньги, мебель, платье, утварь, домашний скот, птица «и тому подобные вещи», 4) долговые деньги, «которыя не по вотчинам принадлежат», заслуженное жалование, хлеб (в городских и загородных дворах, на фабриках), 5) «иски», «которыя умершему принадлежат не по вотчинам, но по особливым делам», 6) платье, посуда, «конские... уборы» в деревнях и дворах вотчинника.

Первый вариант статьи обращает на себя внимание откровенной классификацией имущества на движимое и недвижимое по сословному критерию: одни и те же объекты собственности — заводы, фабрики, хлеб, домашний скот, птица отнесены к различным видам имущества только на основании того, кто являлся собственником. Подобный подход противоречил законодательной практике, сложившейся с начала века.¹⁴

Как следствие этого, во втором варианте из перечня движимого имения были исключены, а к недвижимому причислены городовые, загородные дворы и лавки «со всяким же каменным и деревянным и прочим строением», дворовые и лавочные места, а также заводы и фабрики, построенные «не в деревнях», со всеми строениями, инструментами, мастеровыми, работными людьми, «к ним принадлежащими». Домашний скот и птица «в домах и деревнях вотчинниковых», в отличие от первого варианта, рассматривались как движимость. Третий вариант содержал перечень недвижимости практически аналогичный предыдущему.

Несмотря на столь значительные разночтения вариантов статьи, указывающие на то, что четкая дифференциация имения на движимое и недвижимое в 30-е гг. XVIII века еще не сложилась, наметившаяся к этому времени тенденция в классификации имуществ была реализована в законодательном порядке в начале 60-х годов. В 1762 г. были признаны недвижимым имуществом заводы, фабрики, мануфактуры «со всяким строением», «медные и железные рудники, соляные росолы и трубы», а также земля, леса, «люди и крестьяне, ... к тому принадлежащая». Был также подтвержден статус недвижимости для дворов.¹⁵ В качестве движимого

имения рассматривались скот, хлеб сжатый и молочный, инструменты, «материалы», «уборы» и различные «припасы» и иные «движущиеся вещи» во дворах, лавках, заводах, фабриках и вотчинах, а также «выработанные на... заводах... руды, металлы и принадлежащие к тому материалы и инструменты» и прочее, «что состоит в наружности и из земли уже приобретено».¹⁶ Законодательство более раннего периода относилось к данному разряду имуществ также драгоценные камни, деньги, «серебро», «уборы», экипажи.¹⁷

2. Дворянская земельная собственность по российскому законодательству 1-й половины XVIII в.

Одним из важнейших процессов, протекавших в сфере землевладения России 1-й половины XVIII века, стала монополизация дворянством права владеть населенными и ненаселенными землями.

Традиционным для этого времени был запрет на владение недвижимостью, в том числе и землей, для дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян.¹⁸ Право собственности на ненаселенные земли категорически не признавалось за купечеством, а владение деревнями обуславливалось исключительно наличием фабрик и заводов с припиской деревень к последним. То есть, сословию было предоставлено право владения землей лишь как средством обеспечения посессионных крестьян.¹⁹ В начале 60-х гг. XVIII столетия права владеть землей и крепостными лишилась церковь.²⁰

Одновременно с монополизацией дворянством права на земле- и душевладение, на всем протяжении изучаемого периода происходили достаточно сложные изменения в структуре самого сословия. Осуществлялось слияние различных привилегированных социальных групп и унификация их сословного статуса, а также включение в состав шляхетства выходцев из других сословий, основанное на новом принципе — личной выслуги. Однако данный процесс имел и обратную сторону: «уточнение» социального состава сословия, что в ряде случаев вело к лишению части его представителей дворянского достоинства и как следствие этого — дворянских привилегий.

В начале XVIII века в состав шляхетства автоматически были включены московские чины, а также весьма узкий круг городских дворян,²¹ служивших по московскому списку и по нарядам из Разрядного приказа. В петровское время также началось достаточно интенсивное пополнение дворянского сословия выходцами из низов общества. Правовой базой для этого послужили 11 и 15 пункты Табели о рангах, принятой в 1722 году. В соответствии с указанным законодательным актом, представители непривилегированных сословий получали потомственное дворянство, дослужившись в воинской службе до 14 ранга (ober-офицерские чины), а по гражданской и придворной табелям — до восьмого ранга. Гражданские и придворные чины 14-9 классов не могли передавать дворянское достоинство своим потомкам, поскольку имели личное дворянство.²² (Термины «личное» и «наследственное», или «действительное», дворянство были впервые употреблены в Жалованной грамоте 1785 г.²³).

Однако право на земле- и душевладение признавалось законодательством 1-й половины XVIII века за всеми дослужившимися до низшего чина Табели о рангах без исключения, а также за детьми, родившимися после достижения их отцами 14 класса. Это было подтверждено в 1754 г. елизаветинской Межевой инструкцией.²⁴ Таким образом, подобная привилегия распространялась не только на потомственных и личных дворян, но и на детей последних, которые, даже будучи рожденными «в классах», не принадлежали, согласно Табели о рангах, к «благородному сословию».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодательство России вплоть до 2-й половины 50-х гг. не содержало каких-либо актов, в которых бы затрагивалась проблема законности землевладения ober-офицеров и их детей. Это позволяет сделать вывод об отсутствии в правовой практике изучаемого времени разноречивых мнений и существовании довольно четкой традиции в разрешении данного вопроса. Тем не менее уже в начале 30-х гг. XVIII века составители проекта Вотчинной главы Уложения не отождествляли ober-офицеров с «природным шляхетством».²⁵ Ту же позицию по отношению к этой категории служилого сословия правительство продемонстрировало в Межевой инструкции 1754 г.²⁶

Возникновение интереса законодателя к правовому статусу ober-офицерского землевладения следует отнести к концу царствования Елизаветы Петровны. Этот период стал временем усиления при дворе группировки Воронцовых, что сказалось на изменении общего государственного курса.²⁷ В первую очередь это просматривается в работе Комиссии по составлению нового Уложения 1754-1766 гг. и в ряде законодательных актов 50 — начала 60-х гг. XVIII века. Так, Сенатский указ 6 февраля 1758 г., опираясь на гл. XXX Межевой инструкции 1754 г. и пункты 11 и 15 Табели о рангах, исключил получивших ober-офицерские чины по гражданской и придворной табелям после 13 мая 1754 г. из числа лиц, имевших право владеть деревнями на том основании, что «их дети не суть дворяне».²⁸ Вышеозначенная категория служилых людей не отождествлялась в указе с сословием дворянства, хотя и прямого указания на отсутствие у них дворянского достоинства законодательный акт не содержал. Двойственное положение выслужившихся до 14-9 классов по придворной и гражданской табелям фактически стало лишь этапом в процессе окончательного размежевания «благородного сословия» с теми ранее входившими в него общественными группами, за которыми принадлежность к дворянству признана не была. Так, указ 24 мая 1758 г. отменил предыдущий законодательный акт в части запрета на владение вотчинами для «придворных нижних чинов, состоящих в ober-офицерских рангах», однако вновь подчеркнул, что им «по учиненному в Правительствующем Сенате по Табели о рангах определению деревень иметь не велено», и напрямую не подтвердил их дворянского достоинства.²⁹ 23 ноября 1760 г. было предписано «всех производимых [после 13 мая 1754 г. — С. Ч.] по статской службе не из дворян в ober-офицерские чины... с действительно-военнослужащими в дворянстве не считать и деревень им за собою не иметь». Как и в 1758 г., указ предписывал продать их в полгода. Опре-

деляя статус придворных чинов 14-9 ранга и их право на земле- и душевладение, законодательный акт ссылался на указ 24 мая 1758 г.³⁰

Поскольку одним из важнейших направлений правительственной политики 50-х — начала 60-х гг. XVIII века становится выработка дефиниции понятия «дворянство», проект Уложения также уделял этому вопросу значительное внимание. К дворянству были причислены лица, «происшедшие от знатных и древних поколений» Российского и других государств, а также возведенные в дворянское достоинство российским или иностранным монархом. В число дворян включались доказавшие «благородство» своих предков до 1700 г. Среди таких доказательств могли быть пожалование земель в вотчину и из поместья в вотчину по переписным и писцовым книгам и дачи земель в указное число по писцовому наказу. Дворянами также признавались дослужившиеся в военной и гражданской службе до обер-офицерского чина (до издания Уложения), а также их дети, рожденные в этих чинах. Со времени апробации Уложения лица недворянского происхождения, получившие в военной и статской службе чины 14 класса, не включались в дворянское сословие; дворянами являлись лишь их дети, родившиеся после достижения отцами обер-офицерского ранга. Дворянство, в соответствии с проектом Уложения, обладало монопольным правом на владение землей.³¹

Ряд указов конца 50-х — начала 60-х гг. также касался проблемы источников приобретения дворянского достоинства. Указ 13 ноября 1758 г. предписывал считать дворянами прежних служб служивых людей, записанных в десяти, а указ 23 мая 1761 г. повторял идею проекта елизаветинского Уложения о том, что одним из доказательств принадлежности к привилегированному сословию может считаться верстание предков поместными окладами и пожалование вотчинами. При занесении в дворянский список, помимо справок Разрядного Архива, требовалось свидетельство о дворянстве просителя от его родственников. 16 октября 1761 г. Сенат предписал начать составление новой дворянской родословной книги.³² Вышеуказанные «доказательства благородства» рассматривались как таковые и в Жалованной грамоте 1785 г.³³

Таким образом, к концу изучаемого периода в число лиц, имевших право владеть населенными и ненаселенными землями, входили: 1) дворяне по происхождению, 2) недворяне, выслужившиеся до обер-офицерского ранга по воинской, придворной и, до издания Межевой инструкции 1754 г., по гражданской табели, 3) их дети, рожденные в этих чинах. Из числа непривилегированных социальных групп (независимо от чина) правом на владение землей и крепостными обладали: 1) однодворцы, 2) находившиеся на гражданской и воинской службе приказные служители, если их предки имели дачи по писцовым и переписным книгам, верстались поместными окладами, жаловались за службу из поместья в вотчину или земли им были даны по писцовому наказу в указное число.³⁴

Одной из наиболее ярких особенностей политики самодержавия 1-й половины XVIII столетия явилось активное вмешательство власти в процесс формирования дворянской земельной собственности. Использование практики пожалования и конфискации населенных имений, «непре-

рывное перераспределение земельной собственности», наблюдаемые на протяжении этого периода, были мощным рычагом для достижения правительством политических целей: создания возле престола преданного окружения, а также обезземеливания и изоляции оппозиционно настроенных представителей привилегированного сословия.³⁵ Как следствие этого вопросы о роли земельных пожалований и конфискации дворянских имений, а также роли поместного права в землевладении 1-й половины XVIII века являются одними из важнейших при раскрытии проблематики дворянского землевладения данного времени.

Реформы начала XVIII столетия нарушили связь между обязательной службой дворянина и особой формой жалования за нее — поместьем. Обязанность служить стала в первую очередь следствием самого факта принадлежности человека к привилегированному сословию независимо от формы землевладения.³⁶ Петровские пункты 1714 г., установившие единые принципы в наследовании как поместий, так и вотчин, послужили законодательной базой для прекращения поместных раздач. Именно то, что «новоучиненными пунктами учинено одно недвижимое, а окладов помесных ныне нет», служило основной причиной для подавляющего большинства отказов по челобитьям различных чинов о дачах из порозжих земель и дикого поля.³⁷ Однако, несмотря на то, что поместное верстание было прекращено, подача челобитных как от дворян, так и от однодворцев продолжилась и после 1714 г.³⁸

Ликвидация в 1711 г. Разрядного приказа, который определял размеры поместных окладов и посылал указы о верстании и дачах челобитчикам в Поместный приказ, нарушила функционирование достаточно стройной системы. Полномочия ликвидированного Разряда не были возложены ни на одно учреждение. Созданная в 1722 г. Вотчинная коллегия, не получая указов «челобитчиком по сколько четвертей давать», имела возможность только «определять» «о сыску и досмотре и о мере и о учинении чертежей» землям, указанным в челобитных, не «чиня» самих дач. Тем не менее не исключается, что раздачи из порозжих земель осуществлялись по решению местных властей «собою».³⁹ По большинству доношений из Вотчинной коллегии в Сенат о необходимости какого-либо положительного решения по челобитным о дачах из дикого поля указов получено не было. В ряде случаев как сам Сенат, так и Верховный Тайный совет предписывали «указ учинить в Вотчинной калегии, а ежели той калегии за чем указу учинить будет невозможно, о том подать в Сенат доношение».⁴⁰ Несомненно, что подобная канцелярская переписка не создавала никакой юридической базы для разрешения данной проблемы.

Указ 17 марта 1731 г. подтвердил тождественность правового статуса двух форм феодальной собственности на землю. Законодательный акт предписал «как поместья, так и вотчины именовать равно» — «недвижимое имение вотчина».⁴¹

Тем не менее, как явствует из источников, вопрос о поместных раздачах не был закрыт, о чем говорит его обсуждение в правительстве по крайней мере на протяжении 30-х — начала 40-х гг. XVIII столетия. Одним из важнейших документов, раскрывающих судьбу поместной системы в ис-

следуемое время, является проект Вотчинной главы Уложения 30-х гг. XVIII века. В пункте 1-м «О даче земель из диких поль», 9-й ее части, были определены нормы испомещения по указным статьям служилых людей, находившихся в чинах от прапорщика до генерал-фельдмаршала по военной табели, и рангах, соответствующих им по статской и придворной. Предполагалось также «дачи чинить» как дворянам, которые не достигли вышеуказанных рангов, так и «шляхетству, которые обретаютца в прежних чинах», существовавших до принятия Табели о рангах 1722 г. В их число были включены думные, дворцовые и столичные, служившие по «московскому списку», чины, а также верхушка приказной бюрократии. «В монастыри и... духовным чинам», а также городовым подьячими, в том числе и столичным, «которые не из шляхетства», из дикого поля дачи не предусматривались.⁴² Таким образом, во всех случаях право на получение дач имели лишь дворяне. И если при наделении поместьями служилых людей, достигших обер-офицерских чинов, петровский принцип личной выслуги был сохранен, то по отношению к дворянам, не служившим после принятия Табели о рангах и находившимся «в прежних чинах, а не в рангах», он был грубо нарушен.

Сословный подход отразился и в вопросе о дачах из дикого поля однодворцам. В проекте предполагалось сохранить за ними старые дачи, а также отмежевать те земли, которые им было «помечено дать», в том случае, если на них были грамоты. Однако было указано, что «ныне равномерно им разночинцом дачи положить невозможно» и впредь из порозжих земель их «чинить» однодворцам «смотря по местам тех земель и по состоянию времени и мест особливими ис... Сената указами».⁴³ Подобные дачи предполагалось производить однодворцам, переведенным на Украинскую линию в 30-х гг. XVIII века. Поселенцам предписывалось «дать... земли и всяких угодий каждому против того, как было давано им прежде».⁴⁴

Важной вехой в истории поместной системы явился сенатский указ 16 марта 1736 г. Документы, сохранившиеся в делах Правительствующего Сената по Вотчинной коллегии, позволяют осветить непосредственные причины его появления.⁴⁵

24 ноября 1735 г. казанским губернатором генерал-лейтенантом А.И.Румянцевым было направлено в Сенат доношение, в котором указывалось, что «из Вотчинной коллегии в Казанскую губернию по прошенным разным уездов иноверцов присылаются указы об отводе им пустых порозжих земель в поместную дачу», и они «в прежних своих местах поместные свои дачи оставя впусе переезжают на те порозжие земли и селятца вновь..., от чего... в зборе подушных денег и в карабельной работе чинитца помешательство и доимки немало».⁴⁶ 23 декабря того же года определением Сената, а также указом в Вотчинную коллегию было предписано «впредь без указа из Сената таких дач отнюдь не чинить, а представлять в Сенате». Последний потребовал от коллегии доношения «по каким указом или собою роздают [порозжие земли. — С. Ч.] и для чего и сколько четвертей и кому имяны и в которых местах и когда роздано».⁴⁷

В ответном доношении Вотчинной коллегии Сенату от 27 января 1736 г. было указано, что она «никому никаких дач не чинила и не чинит..., по-

неже ис таких порозжих земель и диких поль челобитчиком по сколько четвертей давать окроме прежних указов не имеется» и «оная калегия определяла токмо о сыску и досмотре и о мере и о учинении чертежей и о присылке оног в Вотчинную калегию».⁴⁸ К доношению был приложен «экстракт»,⁴⁹ в котором было указано, что по Казанской губернии 1691 человек «татар и разночинцов... земли требовали на 117835 чети, сенных покосов на 1552300 копен». Из них по посланным из Вотчинной коллегии указам «сыски и свидетельства и мерные книги и чертежи» в коллегию были присланы только на 8186 четвертей порозжей земли. Тем не менее Вотчинная коллегия «не токмо по показанным челобитьям, но и по сыском и свидетельству и мерным книгам и чертежам тем челобитчиком никаких дач ис тех порозжих земель без указа Ея императорского величества не чинила».⁵⁰

5 марта 1736 г. был подписан именной из Правительствующего Сената указ в Новгородскую губернию, по которому было приказано «порозжих и диких земель никому без указа из Сената не давать; и о сыску и о досмотре и о мере указов не посылать и челобитен не принимать». Обязательной отписке подлежали ненаселенные дачи, которые «воеводы ... собою чинили» без указов из Вотчинной коллегии. Аналогичные указы были посланы в Архангелогородскую, Московскую, Воронежскую, Белгородскую, Смоленскую, Нижегородскую губернии, а также в Тверскую, Орловскую, Вологодскую, Севскую провинции,⁵¹ а 16 марта 1736 г. принимается указ подобного содержания содержания по Казанской губернии.⁵² «Запретительный» указ Сената Вотчинной коллегии «о недаче никому из диких поль» был подписан 6 апреля 1736 г.⁵³

В отечественной историографии является общепринятым мнение, что данные указы⁵⁴ положили конец поместным раздачам в России. Однако подобная точка зрения не отражает всей сложности проблемы, поскольку существуют документальные свидетельства, которые позволяют утверждать, что правительство Анны Иоанновны рассматривало прекращение поместных раздач лишь как явление временное и намеревалось возобновить их, а ряд законодательных актов от марта-апреля 1736 г. о запрете сыска, досмотра, измерения порозжих земель и их раздач «без указа из Сената» были направлены в первую очередь на предотвращение неконтролируемой раздачи земли местными властями.

Отсутствие законодательной базы, на основе которой было бы возможно возобновление поместных раздач, вынуждало Сенат отказывать челобитчикам. Так, при рассмотрении в Сенате дела по челобитью полковника В.Беклемишева «о учинении ему дачи из дикой степи» 23 августа 1738 г. была вынесена резолюция, в которой указывалось, что «до опробации Вотчинной главы ныне ис порозжих земель дачи ему учинить не можно, понеже по нынешним рангам поместных окладов никому не учинено». Кроме того, было «велено» ускорить разработку Вотчинной главы и «от сочинения Уложения о роздаче порозжих диких земель учиненной проэкт предложить к слушанию немедленно».⁵⁵

В ходе рассмотрения данного дела в Сенате также обсуждался вопрос о возможности возобновления поместных раздач «по прежним приме-

ром» до подписания главы, «понеже не надежно чтоб Вотчинная глава в скором времени окончана и опробована быть могла». Этот вариант излагался в ведении Сенатской конторы, которая в качестве основного условия дач из дикого поля рассматривала обязательное согласование их размеров с теми окладами, которые впоследствии будут установлены в новом Уложении. Обосновывая то, что подобные раздачи из порозжих земель возможны и необходимы до подписания императрицей Вотчинной главы, контора указывала, что «оныя... как известно есть к хлебному роду лутчия, а особливо в такое время, когда в хлебе недород чинитца». Кроме того, по мнению конторы, «на таких диких землях за пустотою более происходит воровство и пристанище беглым». На заседании 23 августа 1738 г. эти предложения не были поддержаны Сенатом, поскольку приведение действительных размеров дач в соответствие с новым Уложением (после его апробации) могло вызвать «напрасное разорение» помещиков. Землевладельцам пришлось бы возвратить «излишние» земли и переселить крестьян «на прежняя жилища». По мнению Сената, это вело бы и к «помешательству... в зборах государственных». Однако 22 сентября того же года Сенат согласился с мнением Сенатской конторы, указав, что подобных негативных последствий возможно избежать, отказавшись от изъятия земель сверх оклада: эти пашенные земли «с угодьи» должны были продаваться по рублю за четверть. Вышеприведенные предложения Сената и Сенатской конторы были представлены на рассмотрение Кабинета Е.И.В., однако последний не вынес решения по данному вопросу.⁵⁶

В мае 1743 г. в Сенате слушалось дело по челобитной М.А.Охлестышева о даче ему земель из дикого поля. Сенат не удовлетворил прошения, однако примечательна сама мотивация отказа: «понеже по имянному... 206 году указу никому челобитчиком выморочных и порозжих земель без имянного... указа давать не велено, також и по резолюции Правительствующаго Сената 1738 году августа 23 дня положено, что до апробации Вотчинной главы ис порозжих земель дачи никому не чинить, понеже по нынешним рангом поместных окладов никому не учинено, а означенная Вотчинная глава еще не опробована».⁵⁷ Таким образом, правительство Елизаветы в это время также рассматривало отсутствие поместных раздач как временное явление, сохраняющееся до апробации Вотчинной главы Уложения.

Возрождение поместных раздач, планируемое в 30-х — начале 40-х гг. XVIII века, тем не менее нельзя расценивать как попытку возвращения к допетровскому статусу поместья и вотчины, поскольку проект Вотчинной главы сохранял единый порядок их наследования. Кроме того, этому препятствовали довольно значительные изменения, произошедшие в сфере взаимоотношений самодержавия и привилегированного сословия. Они касались как дворянских прав на распоряжение недвижимостью, так и характера служебных обязанностей дворянства, связанных в отличие от допетровского времени не столько с фактом владения земельной собственностью, сколько с сословной принадлежностью служилого человека. Однако попытка возрождения системы земельного обеспечения дворянской службы, связанной с иерархией дворянских чинов, показательна

сама по себе. Это подчеркивало единство дворянского землевладения, служилых обязанностей и традиций привилегированного сословия, связь, которая во многом сохранялась и после петровских реформ на всем протяжении 1-й половины XVIII столетия. Кроме того, проект Уложения в части поместных раздач из дикого поля наглядно продемонстрировал курс правительства к консолидации дворянства, поскольку, во-первых, раздачи предполагались как массовая акция в масштабах всего служилого сословия, во-вторых, проект основывался на совмещении «старой», XVII века, и «новой», петровской, служилых иерархий.

Несмотря на отсутствие практики поместного верстания и массовых раздач из дикого поля, в пожалованиях 1-й половины XVIII века как до, так и после 1736 г. «сказывались следы старой поместной системы».⁵⁸ В частности, указом 25 апреля 1737 г. населенные имения были пожалованы шляхетству, «находящемуся в службе при казенных горных заводах» при условии продолжения службы на них. При переходе «в другую службу» или в случае смерти без наследников мужского пола деревни передавались другим дворянам, служившим при заводах. На поступку, продажу и заклад этих имений был наложен запрет.⁵⁹ Ярким примером сохранения в землевладении 1-й половины XVIII столетия элементов поместной системы служат прошения генерал-фельдцейхмейстера гр. Б.-Х.Миниха от 23 февраля 1732 г. и 20 января 1737 г., в которых в качестве основания для пожалования и владения имениями указывается продолжение государственной службы: «обязался я... служить еще 10 лет верно и честно» и «да повелит державство ваше... пока я в службе Вашего И. В-ва пребуду... всемилостивейше пожаловать мне... село Кабону с принадлежащими к нему доходами».⁶⁰ Поместные черты можно обнаружить в пожаловании земель грузинским князьям и дворянам при создании из них гусарской роты (1738 г.), при формировании Елизаветой Сербских полков (1752 г.)⁶¹ и в ряде других случаев.

Тем не менее большая часть пожалований 1-й половины XVIII века носила наградной характер и не была напрямую связана с поместными традициями предшествующего столетия, но главным основанием для выдачи земель и крепостных оставалась служба.⁶² Указом 20 июля 1726 г. было запрещено просить в дачу дворцовые, монастырские, лифляндские и эстляндские деревни; запрещение не распространялось только на отписные и выморочные имения. Закон подчеркивал наградной характер возможных пожалований, позволяя подачу челобитных только «заслуженным [дворянам. — С. Ч.], которые довольно служили и были на баталиях и штурмах».⁶³ Систематическое нарушение челобитчиками указа 1726 г. вызвало появление нового законодательного акта (9 августа 1733 г.), который вовсе запретил подачу прошений «о награждении деревнями». В нем подчеркивалось, что если кто «явится достоин, ... награждены будут без прошения их».⁶⁴ Однако традиция вознаграждения за службу земельными дачами и на этот раз оказалась сильнее правительственного указа — челобитные продолжали поступать. Указ 1726 г. был еще раз подтвержден 6 декабря 1742 г. — деревни могли жаловаться из конфискованных и выморочных и вновь «по усмотрению службы».⁶⁵

Кроме основной статьи пожалования — в качестве награды за воинскую, гражданскую и придворную службу⁶⁶ — деревни жаловались за «правый донос»,⁶⁷ «на прожиток» жене и детям осужденного из его конфискованного имущества. В ряде случаев либо часть, либо все недвижимое имение передавалось другим его родственникам.⁶⁸ Имения могли быть пожалованы дворянину «в вечное потомственное владение»,⁶⁹ либо «по его смерть», либо «по его и жены его смерть».⁷⁰ Указом 27 ноября 1751 г. было предписано, что деревни, пожалованные без указания срока, считаются «дарованными в вечное и потомственное владение».⁷¹ Иногда деревни жаловались вместо каких-либо отписанных ранее.⁷² Встречаются пожалования одного имения нескольким лицам одновременно.⁷³ Прибалтийские мызы, челобитные о которых продолжали подаваться в нарушение указов 1726 и 1742 гг., как правило передавались в аренду «без платежа арендных денег», либо без этой привилегии. Пожалование могло быть пожизненным, на определенное количество лет или «до указа».⁷⁴

По далеко не полным подсчетам Е.И. Индовой, за 1-ю половину XVIII столетия было пожаловано 170986 душ м.п. (или около 57000 дворов). Широкомасштабные раздачи происходили в 1700-1715 гг. — 12662 двора, 1728-1732 гг. — 19955 дворов, 1742-1744 гг. — 21297 дворов (всего за три вышеуказанных периода — 53914 дворов). Причем они практически не коснулись самого дворцового фонда, так как из него было пожаловано 34923 души м.п., остальные же 136063 души не являлись дворцовыми. За это же время в дворцовое ведомство были включены вотчины, в которых проживала 75331 душа м.п. Таким образом, справедливой является точка зрения, что раздачи населенных имений производились в первую очередь не из государственного резерва, а за счет перераспределения собственности — из конфискованных и выморочных имений.⁷⁵

Масштабы отписки и конфискации деревень из-за нерегулярного их учета довольно трудно определить точно, однако бесспорно, что они были весьма значительными. Так, за 1-ю четверть XVIII века по подсчетам К.В. Сивкова имущество было конфисковано не менее чем у 3000 лиц различного общественного положения.⁷⁶ Основными причинами конфискации были уклонение от государственной службы, нарушения и «нерадение» по службе,⁷⁷ несостоятельное поручительство, долги, недоимки по подушным податям, подлог документов, невыполнение подрядов. Частой была отписка имений за казнокрадство, злоупотребления при исполнении служебных обязанностей, взяточничество, казенные растраты, фальшивомонетничество и другие уголовные преступления, а также раскол. Конфискация имущества являлась обычным наказанием по делам, связанным с государственной изменой и преступлениями против короны.⁷⁸ Отписка могла быть в ряде случаев временной, в частности за неявку в срок на военный смотр или в суд к рассмотрению дела.⁷⁹

Как было отмечено выше, связь между служебными обязанностями дворянского сословия и его правом на земле- и душевладение сохранялась на всем протяжении 1-й половины XVIII столетия, что находило свое выражение в первую очередь в практике пожалования и конфискации земельных владений. Однако эта взаимосвязь претерпевала значитель-

ные изменения. Классическое условное поместное землевладение уже с середины XVI века начинает сменяться обязанностью привилегированного сословия служить как с поместья, так и с вотчины. Постепенное слияние статуса обеих форм феодального землевладения к началу XVIII столетия привело к образованию «единой по своему правовому режиму... дворянской собственности ограниченного характера».⁸⁰ Обязанность службы стала неотъемлемым условием права дворянина на владение недвижимостью, и нарушение служебного долга рассматривалось короной на всем протяжении 1-й половины XVIII века как достаточное основание для конфискации дворянского имения. После смерти Петра I прослеживается постепенная либерализация позиции правительства в отношении сроков и методов прохождения службы. Однако от конфискации, как способа наказания за «нежелание нести государеву службу» и недобросовестное ее исполнение, самодержавие не отказалось. Верховная власть сохраняла за собой право отписки имений и после издания Манифеста о вольности дворянства⁸¹ вплоть до принятия Жалованной грамоты 1785 г.⁸²

Вместе с тем освобождение дворянства от обязательной службы было в достаточной мере условным, поскольку даже в Жалованной грамоте корона подчеркивала служилый характер сословия и оставляла за собой право призвать дворянина на службу.⁸³

Статус земельных пожалований в течение 1-й половины XVIII столетия также значительно меняется. Если в начале века они являлись массовыми, а раздачи земель производились в рамках поместной системы, то начиная с 1714 г. вплоть до середины 30-х гг. их число резко снижается. Пожалования начинают осуществляться по большей части из числа конфискованных и выморочных имений, а не из порозжих, ненаселенных государевых земель, постепенно приобретая наградной характер. Как следствие этого, сам факт земельного пожалования превращается из общего правила в исключение. В 40–50-х гг. пожалования, осуществляемые в той или иной мере на условии службы, становятся крайне редкими.

Таким образом, к середине XVIII века связь между службой дворянина и его земельной собственностью приобретает качественно иной характер. Самодержавие перестает рассматривать наделение дворянства землей из казенного фонда в качестве своей обязанности, исправное выполнение которой необходимо для несения государственной службы. В то же время, дворянская земельная собственность остается залогом добросовестного выполнения сословием своего долга по отношению к верховной власти. С точки зрения монархии, вся собственность привилегированного сословия являлась условной — право на нее определялось службой государству, остававшемуся и в этот период верховным земельным собственником.

Традиционная государственная регламентация дворянского землевладения, являвшаяся одной из форм контроля служилого сословия со стороны верховной власти, во всей своей полноте отразилась в петровском законодательстве. Введенная указом 1714 г. практика единого наследия фактически была направлена на обезземеливание значительной части при-

вилегированного сословия с целью привлечения неимущих дворян на государственную службу.⁸⁴ Пункты 1714 г., вместе с тем, стали беспрецедентной попыткой ограничения прав собственника. Они полностью запрещали продажу и заклад недвижимости за исключением тех случаев, когда подобное отчуждение имения требовалось для «совершенных нужд и расплаты долгов». В указе также констатировалось намерение правительства «впредь» запретить использование поместий и вотчин в качестве приданого.⁸⁵ Значительно урезались права завещателя. Кроме введения самого принципа единонаследия, было указано, что при наличии детей наследник должен был быть определен из их числа. Если имелись сыновья, приоритет в обязательном порядке отдавался им. Лишь в случае бездетности завещатель имел право выбора между другими представителями своего рода. При отсутствии в роду наследников мужского пола наследование недвижимости лицом женского пола предусматривалось, только если супруг (будущий или настоящий) принимал фамилию жены. В противном случае имение должно было быть конфисковано государством.⁸⁶

Запрет передавать недвижимость более дальнему родственнику при наличии сыновей наглядно отразился в деле Л.Линева, которое рассматривалось в Сенате в 1730 г. Суть дела заключалась в том, что завещатель изменил духовную и новым наследником вместо сына «определил» внука. Основанием для подобного решения стало то, что его сын-наследник заложил без позволения отца недвижимость, которая должна была отойти ему только после смерти родителя. 20 декабря 1730 г. Сенат утвердил новое завещание, но только «чтоб не подать поводу другим сыновьям при отцах своих деревень без воли отеческой продавать и закладывать», «хотя по указом надлежало утвердить за сыном». Создав прецедент, Сенат признал право родителей впредь «исключать от наследства сыновей и назначить вместо их наследниками внуков».⁸⁷

Указом 14 апреля 1714 г. право на землевладение тех дворян, которые не могли наследовать недвижимость, было прямо увязано со службой. Так, кадеты-дворяне для получения права приобретать деревни покупкой должны были отслужить 7 лет на воинской, 10 лет на гражданской службе, либо 15 лет в «купеческом звании».⁸⁸

Некоторые из положений пунктов 1714 г. были отменены еще до 1725 г. Так, указом 15 апреля 1716 г. было предписано в случае смерти одного из супругов выделять второму $\frac{1}{4}$ недвижимого имущества умершего «в вечное владение».⁸⁹ Но подлинная ревизия указа о единонаследии началась практически сразу после смерти Петра I. Пунктами 28 мая 1725 г. «О вотчинных делах»⁹⁰ была разрешена продажа и заклад от старшего брата-наследника младшему «собственного своего» (благоприобретенного) недвижимого имения. Также был фактически отменен петровский указ 14 апреля 1714 г., и дворянам-кадетам было позволено покупать деревни «без урочных лет», сразу же по их вступлении в военную или гражданскую службу.⁹¹ Естественно, что подобные изменения в законодательстве удовлетворили в первую очередь зажиточную часть дворянского сословия, в том числе и аристократию, располагавшую значительными капиталами

для приобретения вотчин. Подавляющее большинство дворян имело возможность получить недвижимость только в порядке наследования. Недовольство рядового дворянства единонаследием было достаточно наглядно продемонстрировано в начале 1730 г. при вступлении Анны Иоанновны на российский престол.⁹² Как это, так и многочисленные нарушения петровских пунктов привели к их отмене. Указом 9 декабря 1730 г. были восстановлены разделы недвижимого имения по Уложению 1649 г.⁹³

Отмена единонаследия незначительно изменила положение дел в сфере прав завещателя. Указом 17 марта 1731 г. законодатель фактически обязывал родителей составлять завещание в пользу своих детей, которые должны были получить равные части недвижимого имения. Указ подтвердил нормы Соборного Уложения и Новоуказных статей, которые строго регламентировали наследование вотчин и обязывали служилого человека передавать родовые и выслуженные вотчины ближайшему родственнику.⁹⁴ На протяжении всей 1-й половины столетия сохраняется обязательное выделение указной части вдове умершего вотчинника, а также приданого при выдаче дочерей замуж, что также ограничивало права завещателя.⁹⁵

Соотношение собственных прав дворянина и казны наглядно проявлялось в статусе недвижимого имения, принадлежавшего последнему представителю дворянского рода. Не признавая за ним права на распоряжение родовой недвижимостью и передачу ее «чужеродцу», корона подчеркивала свое право как верховного земельного собственника.

Законодательное оформление преимущественного права короны на владение выморочным имуществом в XVIII веке произошло по указу 23 января 1712 г., который запретил вышеозначенной категории привилегированного сословия отчуждать недвижимость.⁹⁶ С 1725 г. это ограничение перестало распространяться на благоприобретенное имение. Его продажа разрешалась «на оплату долгов» и «когда нужда позовет», однако поскольку указы не предполагали проверки причин продажи имений, подобное разрешение становилось безусловным.⁹⁷ В соответствии с указом 3 февраля 1729 г. были изменены формуляры крепостей, и отныне в купчей или закладной должно было указываться, что «продавец или закладчик недвижимого имения не последней в роде».⁹⁸

Анализ отношений собственности в феодальном обществе невозможен без рассмотрения собственных прав такого социального института как дворянская родовая корпорация, поскольку владельческие права каждого отдельного ее представителя всегда находились в тесной зависимости с правами рода в целом.

Имущественные права рода неизменно проявлялись при отписке на государя собственности преступника. При конфискации имущество осужденных отделялось от имущества родителей и жены.⁹⁹ С конца 20-х гг. XVIII века также складывается практика выкупа родственниками недвижимости, конфискованной за иски, с разрешения короны. Подобное право рода было зафиксировано в указах 31 мая 1728 г. и 6 ноября 1740 г.¹⁰⁰ Однако недвижимое имущество, отписанное за наиболее тяжкие преступления, выкупу у казны не подлежало, а в соответствии с Соборным Уло-

жением 1649 г. запрещался родовой выкуп имений изменников, поступивших по закладу или продаже во владение других лиц до совершения преступления.¹⁰¹

Отдельные правительственные проекты, которые объективно укрепляли собственнические права дворянских родовых корпораций, не стали частью действующего законодательства. Тем не менее они достаточно явно иллюстрируют общие тенденции политики правительства в этом вопросе. Так, проект Уложения, составленный в царствование Анны Иоанновны, предписывал передавать деревни изменника его ближайшим родственникам в случае отсутствия указа об их отписке. В доношении Сената императрице, поданном в феврале 1727 г., предлагалось рассмотреть вопрос о разрешении родственникам закладчика выкупать заложенное недвижимое имение, которое прежде отписывалось у заимодавца в числе выморочного. Те же идеи содержит проект аннинского Уложения.¹⁰²

Одним из средств правительственного регулирования дворянского землевладения была практика запрещения и разрешения на сделки с недвижимым имением. Наряду с традиционным запретом продажи и залога недвижимости на время следствия и судебного разбирательства по различным делам, а также в случае неплатежа по векселям или «безумства» владельца¹⁰³ подобная мера использовалась с целью защиты имущественных интересов дворянского рода, одновременно ущемляя владельческие права отдельных его представителей. Примером этого может служить применение вышеуказанной практики к расточителям. Разновидностью запрета являлось предписание последним производить сделки с недвижимым имением «с согласия и позволения родственников», которое должно было подтверждаться их подписью на крепостных актах.¹⁰⁴ Однако данное ограничение прав распоряжения недвижимостью в значительной мере обуславливалось не только, а может быть и не столько, защитой собственнических прав рода, сколько фискальными интересами казны.

В том же направлении — защиты родовой дворянской собственности — действовала сформировавшаяся в конце 20 — 30-х гг. XVIII века система государственной опеки над имениями несовершеннолетних дворян, которые по указу Петра I не имели права на отчуждение своей движимой и недвижимой собственности.¹⁰⁵ Это было разрешено только в 1729 г., и лишь в случае необходимости выплаты долгов и выкупа заложенных имений.¹⁰⁶ В царствование Петра II данные вопросы находились в компетенции Верховного Тайного совета. В 30-е гг. разрешение осуществлялось исключительно самой императрицей по докладу Сената. Контроль за продажей производился не только опекунами, родственниками и душеприказчиками, но также Вотчинной и Юстиц- коллегиями и «при письме крепостей в крепостных конторах». Продажа и заклад имущества разрешались лишь на ту сумму, которая требовалась для уплаты долга и выкупа имений. В 30-е гг. число таких разрешений было незначительно.¹⁰⁷ Указом 27 апреля 1741 г. право решения подобных дел было передано Сенату, что подтверждалось в 1742 г. Елизаветой,¹⁰⁸ однако сохранялась и практика апробации разрешений со стороны монарха.¹⁰⁹

Одним из базовых институтов феодального права в России являлся институт родового выкупа, в котором реализовывались собственнические права дворянского рода в отношении недвижимых имуществ, находящихся во владении отдельных его представителей.

Петровские реформы значительно видоизменили систему родового выкупа, и в первую очередь это было связано с введением единонаследия указом 23 марта 1714 г.¹¹⁰

Со времени издания Уложения 1649 г. родовому выкупу подлежали лишь родовые и выслуженные вотчины.¹¹¹ Петровским указом он распространялся на все имущество, определяемое пунктами как недвижимое (вотчины, поместья, дворы, лавки). Указы 1737 и 1744 гг. ограничили право выкупа «деревнями», «вотчинами».¹¹² Однако, учитывая слияние вотчин и поместий в единую форму феодального землевладения, можно утверждать, что родовому выкупу в 1-й половине XVIII века подлежали все имения, как родовые и выслуженные, так и благоприобретенные, т.е. любой тип дворянской поземельной собственности.

Изменения также касались круга лиц, которые допускались к родовому выкупу. В XVI-XVII веках от права выкупа традиционно отстранялись прямые наследники (дети и внуки) продавца или закладчика родовой вотчины, а приоритет отдавался родственникам боковых линий (братьям, племянникам и т. д.).¹¹³ Это было связано с необходимостью поддержания собственнических прав рода в целом. С 1714 г. недвижимость было предписано выкупать тем прямым наследникам, которые «будут по линии ближние, а не кадетам их».¹¹⁴ Таким образом, как наследуемая недвижимость, так и выкупаемая концентрировались в одних руках, тогда как по Уложению 1649 г. при преобладающем наследовании по прямой нисходящей линии и выкупе родовых вотчин по боковым, подобное совмещение собственнических прав на наследуемое и выкупленное имущество являлось редким случаем. Тенденция, при которой преимущественное право выкупа родовой недвижимости предоставлялось ближайшим родственникам по прямой нисходящей линии, была сохранена после отмены единонаследия (указы 1737, 1744, 1755, 1766 гг.).¹¹⁵

Законодательство 1-й половины XVIII века также значительно видоизменило сроки выкупа и процедуру установления выкупных цен для заложенного и проданного родового имущества. До указа 1 августа 1737 г. выкуп имений, проданных в чужой род, был возможен в течение 40 лет. Порядок, установленный в 30-м пункте 17-й главы Соборного Уложения, фактически являлся правом рода аннулировать законно заключенную сделку в течение вышеуказанного срока. Определенная Уложением плата за «новоприбылое строение... по суду и сыску», вносимая дополнительно к сумме, указанной в купчей или закладной крепости, незначительно меняла феодальную сущность родового выкупа.¹¹⁶

В указе 1714 г. 40-летний срок выкупа был сохранен. Лишь начиная с 1737 г. были изменены сроки совершения выкупных сделок — 6 месяцев после даты явки просроченной закладной по заложенным в чужой род имениям и 3 года — по проданным. Плата за «новоприбылое строение» была окончательно отменена в 1744 г. Выкуп стал производиться по цене,

указанной в крепостях. В том случае если имение повторно продавалось, закладывалось или отдавалось в приданое новым владельцем — по ценам, указанным в последней закладной, купчей или приданной росписи.¹¹⁷ Трехлетний срок выкупа по проданным родовым имениям, установленный указом 1737 г., был распространен на просроченные по закладу. Указ 1744 г. определял круг родственников, которые могли быть допущены до родового выкупа, а также строгую их очередность, причем в него вошли не все лица, имеющие по Уложению и последующим указам право на наследование имений. Отдавая приоритет при выкупе наследникам по прямой линии, закон резко ограничивал число лиц, имевших возможность быть допущенными к родовому выкупу по боковым линиям родства. В том случае если они допускались, требовалось письменное разрешение тех сородичей, которые имели преимущественное право на выкуп.¹¹⁸

Указ 12 сентября 1755 г. установил запрет родового выкупа для лиц, не упомянутых в предыдущем указе, до «сочинения» Уложения. Предусматривалась только «записка» челобитных о выкупе, «дабы [они. — С. Ч.] одною просрочкой... права... на выкуп лишиться не могли». В 1766 г. круг лиц, допускаемых до выкупа родовых вотчин, был значительно расширен. Однако положение о необходимости разрешения на выкуп от ближайших родственников продавца или закладчика другим представителям рода осталось в силе. Кроме того, данный указ позволял выкуп лишь тем, кто уже подал челобитные, начиная с 1755 года. Последующих выкупных операций законодательный акт не регулировал. Это предусматривалось осуществить в «новосочиняемом Уложении».¹¹⁹

Таким образом, в течение 1-й половины XVIII века правительство сделало ряд важных шагов, значительно видоизменивших институт родового выкупа: 1) родовый выкуп был распространен на все дворянские имения, в том числе и благоприобретенные, 2) к 1744 г. выкуп родового имущества стал производиться исключительно по ценам, указанным в крепостях, 3) приоритет при выкупе родового имущества стал отдаваться прямым наследникам при одновременном ограничении прав родственников боковых линий, 4) резко ограничивался круг тех лиц, которые вообще могли быть допущены до выкупа родового имущества, 5) был сокращен срок (с 40 до 3 лет), в течение которого этот выкуп был возможен. Следовательно, сохранив чисто феодальную сущность этого института, монархия все же значительно ослабила собственные права дворянского рода по отношению к родовым и выслуженным вотчинам. Одновременно были расширены права отдельного представителя рода в сфере распоряжения недвижимостью. Нововведения означали усиление значимости частных сделок в сфере права, что должно было иметь своим следствием интенсификацию процесса смены собственников дворянских имений. Изменения, принятые правительством, также объективно выражали хозяйственные интересы приобретателя вотчины, поскольку обеспечивали ему большую степень уверенности с точки зрения прав на имущество.

Однако эволюция института родового выкупа имела обратную сторону. Слияние вотчины и поместья в один тип поземельной собственности

привело к расширению объема собственных прав рода по отношению к благоприобретенным вотчинам и тем землям, которые ранее имели статус поместья. Отмена платы за «новоприбылое строение» также объективно усиливала позиции дворянских родовых корпораций. Одной из особенностей развития системы родового выкупа в 1-й половине столетия, вместе с тем, стало стремление верховной власти к детальной регламентации функционирования данного правового института.

3. Межевое законодательство и межевая практика России 1-й половины XVIII в.

Практика писцовых описаний в условиях функционирования поместной системы и непосредственной связи между служебными обязанностями привилегированного сословия и его правом на владение землей и крепостными играла важнейшую роль в поземельной политике государства XVII века. Писцовые книги являлись своеобразным поземельным и промысловым кадастром, в котором фиксировались владельческие права, учитывалось все тяглое население и его платежеспособность.¹²⁰

Сближение двух форм феодального землевладения, завершившееся к 1714 году их слиянием, прекращение верстания служилых людей поместными окладами и систематических раздач по указным статьям, отсутствие необходимости в приведении поместных окладов в соответствие с отправляемой службой, изменение принципов налогообложения тягло населения повлекли за собой изменение роли межевого дела в России. Потребность в подробном поземельном кадастре отпала, и фактически в 1-й половине XVIII века проблема описания земель сводилась к так называемому Генеральному межеванию. Его основной функцией должно было стать упорядочение поземельных отношений, размежевание спорных владений, юридическое закрепление дворянских владельческих прав на землю и крепостных, что в ряде случаев предполагало легитимацию дворянских захватов.¹²¹ В течение 1-й половины XVIII столетия попытки проведения Генерального межевания предпринимались дважды. Первая из них, относящаяся ко времени правления Анны Иоанновны, окончилась неудачей еще на стадии его подготовки. Межевание 1755-1763 гг. также не было завершено, и к концу царствования Елизаветы было обмежавано всего 359 дач с общей площадью 57319 десятин.¹²²

Основными вопросами, относящимися к данному аспекту земельной политики правительства, являются следующие: цели, базовые принципы, положенные в основу этих межеваний, а также причины провала их проведения.

Окончательное уравнивание статуса поместья и вотчины, отмена единонаследия, достаточно интенсивная разработка Вотчинной главы Уложения, а также подготовка Генерального межевания достаточно четко определили приоритеты правительственного курса в первые годы царствования Анны Иоанновны.¹²³ Рассматривая цели предполагаемого межевания, необходимо отметить следующую его особенность: оно являлось одной из составляющих аграрной реформы, которая планировалась самодержавной

властью в начале 30-х гг. XVIII века. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что сам Писцовый наказ являлся 11-й частью Вотчинной главы нового Уложения, составление которой было предпринято в это время. В состав главы также была включена часть 10-я «О письме и межевании земель и о межевщиках».¹²⁴ По всей видимости, начало межевания связывалось его устроителями со временем окончания и апробации Вотчинной главы. Кроме настоятельной необходимости в размежевании спорных земель, о чем заявлялось в указе от 28 июня 1731 г.,¹²⁵ межевание должно было быть проведено и по другой причине: в случае реализации планов правительства, касающихся возобновления поместных раздач,¹²⁶ возник бы целый ряд проблем, связанных с оценкой общих размеров дворянского землевладения и государственного земельного фонда, в частности, учета порозжих земель, из которых предполагалось производить раздачу.

Сохранилось три варианта Писцового наказа, относящихся к 30-м гг. XVIII века.¹²⁷ Два первых были составлены между 20 июня¹²⁸ и 9 ноября 1731 г.,¹²⁹ а последний был завершён 8 октября 1735 г.¹³⁰ Базовые принципы межевания, зафиксированные в статьях и артикулах проектов, не имели сколько-нибудь значительных различий и были заимствованы из Писцового наказа 1684 года. Аннинский Писцовый наказ не требовал пережевки владений, межеванных после писцовых книг по полюбовным разводам и по «учиненным сделкам». Проекты также признавали законными подновленные по старым признакам и урочищам писцовые межи в том случае, если они были утверждены «приговорами». Размежевание беспорядочных владений в одном селе, деревне или пустоши, как и ранее, не являлось обязательной процедурой. Оно должно было производиться лишь в случае челобитья хотя бы одного из владельцев. Примерными землями в соответствии с межевым законодательством конца XVII столетия считались земли сверх дач, обнаруженные во владении помещиков и вотчинников в межах и в немежеванных землях. Размещение их по дачам предполагалось производить только при отсутствии межей. Пашня и угодья в межах того или иного владельца безвозмездно примежевывались к его землям.¹³¹

Обращаясь к выяснению причин провала межевания, следует в первую очередь оценить степень его подготовленности. Достаточно важным с точки зрения разрешения поставленной проблемы является вопрос, связанный со степенью обученности межевщиков и геодезистов. В письме на имя императрицы от Людвига фон Гохмута, «свидетельствовавшего» прибывших в Москву геодезистов, указывалось, что они «тое землемерного дела науку знают весьма мало», не имеют навыков обращения с инструментами, а без них «подлинное какое действие и учинить невозможно».¹³² Данная позиция¹³³ не является бесспорной. Эта коллизия могла произойти по причине разных предпочтений экзаменатора и экзаменуемых, первый из которых использовал мензулу, а вторые — теодолит.¹³⁴ На это указывает доношение геодезистов в Правительствующий Сенат, датированное январем 1732 г. Его авторы, ссылаясь на авторитет своего учителя, профессора Санкт-Петербургской Академии наук Фарварсона, отмечали, что фон Гохмут «предъявил [для экзамена. — С. Ч.] свой инст-

румент, которой к нашей должности к тому межевому делу и негоден».¹³⁵ Однако если степень профессиональной подготовленности специалистов, которых предполагалось привлечь к межеванию, вполне могла находиться на должном уровне, то их численность и техническая оснащённость были ниже требуемых.

В таблице 1 приводятся данные, относящиеся к 1731 г.

Таблица 1¹³⁶

		в на- личии	«в разсылках» и «в деревьях»	всего
Геодезистов, чел.		28	70	98
У них инстру- ментов, шт.	Теодолитов	4	33	37
	Готовален с инструментами	6	32	38
	Мерных цепей	6	32	38
Межевщиков, чел.		4	52	56

Как явствует из таблицы, общее количество геодезистов, межевщиков и инструментов позволяли начать межевание, но не были достаточными для выполнения такой масштабной задачи как межевание всех земель Европейской части России, особенно если принимать во внимание тот факт, что в процессе описания предполагалось «всякой даче учинить особливый свои ландкарты».¹³⁷ Для сравнения, в период активного проведения елизаветинского межевания в нем было занято 1183 человека.¹³⁸

Рассматривая вопрос о причинах неудачи аннинского межевания, необходимо также учитывать обстоятельства, не зависевшие от его устроителей. По данным на 19 октября 1732 г., из писцовых и межевых книг было списано 19883 тетради, а осталось списать — 7133.¹³⁹ В ведомости, направленной в Сенат 26 июня 1738 г., содержались данные о количестве списанных к тому времени и сохранившихся после московского пожара 1737 г. копий с писцовых и межевых книг. Здесь в числе списанных было указано 298 1/2 книг, а также по челобитьям «разных чинов людей и разных годов и межевщиков, которые в переплете с отказными книгами» — 418 (всего 716 1/2 книг). Из них по Московскому уезду — 55 и 93 соответственно. В ведомости отмечалось, что еще «надлежит списать» — 296 1/2 валовых писцовых и межевых книг, а также по частным челобитьям — 1092 книги (всего 1388 1/2), в том числе по Московскому уезду — 33 и 84 соответственно.¹⁴⁰ Эти данные наглядно демонстрируют тот факт, что большая часть копий межевых книг и часть самих оригиналов¹⁴¹ сгорели во время пожара 29 мая 1737 г., и межевание не могло быть начато даже в Московском уезде.

В числе основных причин того, что правительство так и не смогло приступить в 30-х гг. XVIII века к Генеральному межеванию, было и то, что вопрос о судьбе поместных раздач не был еще решен правительством окончательно. На это указывают как несоответствия в самом тексте Вотчинной главы,¹⁴² так и противоречие между самой идеей восстановления поместной системы и законодательными актами начала правления Анны Иоанновны, уравнивавшими поместье и вотчину.

На протяжении конца XVII — 1-й половины XVIII вв. общая концепция межевой политики была неизменно связана с вопросом о статусе примерных земель. Законодательство о примерных землях являлось мощным рычагом в сфере регулирования дворянского землевладения. Это было обусловлено, во-первых, значительным удельным весом данной категории земельных угодий, во-вторых, незаконное владение примерными землями было одним из основных источников роста поместного и вотчинного фонда.¹⁴³

В качестве примерных неизменно рассматривались земли во владении помещика или вотчинника, благодаря наличию которых имение по размерам превосходило дачу, указанную в писцовых и межевых книгах, а также крепостных актах. Однако с точки зрения межевого законодательства, существовавшего в России вплоть до издания Межевой инструкции 1754 г., к примерным могли относиться только удобные земли, обнаруженные либо в межах имения, либо в немежеванных землях в том случае, если дачи межеваны не были.¹⁴⁴ К причинам появления примерных земель (исходя из вышеуказанной трактовки этого понятия) относились: увеличение доли обрабатываемых угодий за счет роста культуры их возделывания, несовершенство техники измерения земельных площадей, а также склонность межевщиков к взяточничеству.¹⁴⁵ Инструкция 1754 г. значительно расширила смысл понятия «примерные земли». Данный межевой акт в качестве примерных рассматривал в том числе и те земельные угодья, которые обнаруживались за межами дачи.¹⁴⁶ Очевидно, что основной причиной появления этих земель в составе имения был их захват.

Одним из центральных принципов Межевой инструкции 1754 г., так же как и предшествующих, являлся принцип ревизии прав владения землей.¹⁴⁷ Однако правительство Елизаветы в значительной степени ужесточило эту процедуру. Инструкция 1754 г. требовала перемежевки владений вотчинников даже в тех случаях, в которых ранее она не производилась. Так, если в Писцовых наказах 1684 г. и 30-х гг. XVIII века размежевание бесспорных владений нескольких землевладельцев в одном селе, деревне, пустоши предусматривалось лишь по желанию одного из владельцев, то в Межевой инструкции данная процедура становилась обязательной. Более того, при поселении крестьян разных владельцев «через двор» предписывалось намеривание земель под каждый двор отдельно.¹⁴⁸ Межевая инструкция также требовала перемежевки земель в том случае, если они были межеваны после писцовых книг по частным челобитьям, по полюбовным отводам, по «учиненным сделкам». Не признавалось межевание с «образным хождением» даже в случае, если межи были утверждены приговорами по спорным делам. Проверке подлежали старые писцовые межи, подновленные по старым признакам и урочищам.¹⁴⁹ В качестве исключения Инструкция разрешала полюбовное размежевание синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих земель с дворцовыми, но оно могло осуществляться лишь в том случае, если одни земли находились «в середине» или «между» других земель «в смежестве». Только указом 17 мая 1755 г. правительство Елизаветы разрешило помещикам просить о полюбовном разводе как собственных дач по крепостям, так и примерных земель, обмежеванных окружною межей.¹⁵⁰

Изменив содержание понятия «примерные земли», Инструкция 1754 г. отошла от предшествующей межевой практики и в другом вопросе. Было предусмотрено размеривание излишних земель между смежными владельцами «по способности», т.е. исходя из числа крепостных, числившихся в их имениях. Инструкцией устанавливалась на эти земли продажная цена, которая была в несколько раз ниже рыночной стоимости¹⁵¹ — 10 копеек за десятину.¹⁵²

Таким образом, очевидно, что Инструкция 1754 г. рассматривала ревизию прав владения в качестве основы предстоящего межевания. Однако, требуя более тщательной, чем это предусматривалось ранее, проверки законности владения, Инструкция одновременно расширяла значение понятия «примерные земли», что приводило к сохранению в помещичьих руках более значительных площадей земель. Исходя из этого, основной принцип межевания 1755-1763 гг. нельзя свести исключительно к ревизии и редукции, как это делалось рядом исследователей.¹⁵³ Следует согласиться с мнением В.О.Ключевского, который полагал, что основной целью межевания было «упорядочение дворянского землевладения»,¹⁵⁴ если под этим понимать, во-первых, четкое определение размеров пашенной земли и других угодий, находившихся во владении вотчинников, во-вторых, стремление правительства к тому, чтобы на владение землей имелись законные основания.¹⁵⁵ Однако последнее не только не исключало, но и предполагало в качестве базового принципа межевания легитимацию владения теми землями, которые были приобретены в результате дворянских захватов.

Принципиально новая трактовка понятия «примерные земли» составителями Межевой инструкции и все вышеизложенное не дает, однако, права рассматривать этот документ как качественно отличающийся от предшествующих писцовых наказов конца XVII — 1-й половины XVIII вв. Принципу ревизии и редукции четко следовало лишь законодательство начала XVII столетия, требуя безусловной отписки примерных земель, которые впоследствии раздавались в поместье сторонним челобитчикам. Вопрос о статусе примерных земель был подробно рассмотрен в Соборном приговоре 12 марта 1620 г. и Соборном Уложении 1649 г.¹⁵⁶ С середины XVII века в соответствии с этими законодательными актами за владельцем закреплялись все излишние земли (в старинных родовых и купленных из порозжих земель вотчинах и «старых» поместьях), появившиеся в результате распашки невозделанных земель в границах имения. Подобная распашка разрешалась Соборным Уложением и впредь. Наказ 1684 г. уже предписывал безвозмездное межевание примерных земель к имению, независимо от причин их появления (к вотчине — без ограничения размеров, к поместью — вошедших по мере в оклад). Примерные земли сохранялись за владельцем имения и в соответствии с проектами писцовых наказов 30-х гг. XVIII века. Таким образом, Межевую инструкцию 1754 г. можно расценивать в качестве одного из этапов эволюции межевого законодательства XVII-XVIII столетий, одним из основных направлений которой было расширение прав землевладельца на примерную землю, находящуюся в его владении. Обязательная отписка примерных

земель на государя в начале XVII века ко времени екатерининского Генерального межевания сменилась безвозмездным межеванием всех излишних земель к вотчинам при полюбовном разводе владений.

Основные принципы Межевой инструкции 1754 г. в полной мере отразили и другой, не менее значимый процесс, который протекал в сфере отношений, связанных с земельной собственностью. Укрепление института абсолютизма явилось одной из основных причин стремления короны упрочить свои владельческие права как верховного земельного собственника. И если в конце XVII – 30-х гг. XVIII вв. корона фактически отказывалась от своих притязаний на примерную землю, безвозмездно передавая ее дворянину,¹⁵⁷ то в середине XVIII века правительству отказалось признать за представителями дворянского сословия право на владение этими землями и установило на них продажную цену.¹⁵⁸

Важнейшим свидетельством в разрешении вопроса о причинах провала межевания 1755-1763 гг. является «Рассуждение... каким образом государственное размежевание земель производить», поданное 16 апреля 1765 г. в Комиссию о государственном межевании надворным советником П.Херасковым.¹⁵⁹

Автор отмечал, что «главнейшею причиною... остановок... и замешательств бывшего межевания» были споры между владельцами «большой частью почти не дельные». Среди причин этих споров П.Херасков выделял непонимание соотношения юридической силы писцовых книг и частных крепостей и попытки оспорить последние на основании первых.¹⁶⁰ С точки зрения дворянства, права на землю, закрепленные писцовыми описаниями и освященные давностью владения, были более крепки, чем приобретаемые в результате частных сделок.¹⁶¹ Кроме того, встречались попытки с помощью споров выиграть время для переписки между поверенными и помещиками. Нередким было стремление добиться включения своих земель в ту окружную межу, где у других владельцев имелось достаточно большое количество примерной земли, чтобы «получить из оной на превосходящее число душ деревни своей». Автор «Рассуждения...» подчеркивал, что основной причиной этого явления был раздел примерных земель между смежными бесспорно владеющими помещиками, который предписывался Межевой инструкцией, и предлагал передавать примерные земли тому владельцу, в чьих межах они находились. Раздел примерных земель, по его мнению, должен был производиться лишь в случае споров.¹⁶² П.Херасков отмечал и «своевольство» крестьян, приказчиков и самих помещиков при межевании, а также «непредъявление ... подлежащих на дачи крепостей», указывая, что в Межевой инструкции 1754 г. отсутствовала достаточно действенная методика борьбы с этим явлением.¹⁶³ Одной из важнейших причин «ко остановкам» межевания было отсутствие единых форм для целого ряда документации: челобитных, писем о полюбовных разводах земель, «верящих писем» и т.д.¹⁶⁴ Характерно, что перечисляя причины неудачи межевания, автор ни разу не упоминает в качестве таковой стремление правительства взыскать с помещиков деньги за примерные земли.

Исходя из того, что П.Херасков считал единственной возможной целью любого межевания прекращение земельных споров, им подвергалась кри-

тике практика размеривания бесспорных владений, а также обязательное размежевание помещиков в одном селе, деревне или пустоши. Как это, так и недооценка разрешения споров по писцовым и межевым книгам, крепостям и урочищам старожилами и окольными людьми приводили к затягиванию межевания.¹⁶⁵ По мнению автора, правительству требовалось уделять большее внимание полюбовным разводам между помещиками и следовало «показать выгоды миролюбия» как для пользы государственной, так и частной.¹⁶⁶

Кроме того, стоит выделить причины провала межевания 1755-1763 гг. иного порядка. Так, в доношении Главной межевой канцелярии в Сенат от 1 марта 1761 г. было указано, что для дальнейшего проведения межевых работ требуется дополнительное число людей и денег для выплаты им жалования. Характеризуя финансовую обеспеченность межевого дела, канцелярия отмечала, что с начала Генерального межевания до 1761 г. на жалование и иные расходы, связанные с межеванием, было затрачено 459309 рублей 64 $\frac{1}{2}$ копейки. И в настоящее время «по недостатку в казне денег во многих местах межевщики и протчия чины подлежащего им жалованья получить не могут по году и больше». По этой причине «от межевания» были «выключены» 212 человек с общим годовым жалованием 43037 рублей 58 копеек, а оставлены при размежевании 401 человек с общим жалованием 37107 рублей 95 копеек. То есть, от межевания были отстранены более высокооплачиваемые и, следовательно, более опытные специалисты. На недостаток средств и межевщиков, которые в своем большинстве были военными, в значительной степени влияло ведение в то время Семилетней войны. В связи с этим Главной межевой канцелярией было предложено прекратить межевание на части территории России.¹⁶⁷

Исходя из вышеизложенного, выделим два ряда основных причин неудачи землеустроительной инициативы правительства Елизаветы. Первые относились к сфере финансовой и кадровой необеспеченности межевого дела. Вторые были обусловлены несовершенством Межевой инструкции, а также теми противоречиями, которые изначально существовали между основными принципами, на которых базировалась Инструкция, и объективной ситуацией, сложившейся к середине XVIII века в поземельных отношениях.

Принимая во внимание более чем полувековой промежуток времени, прошедший с последнего вального описания земель, достаточно интенсивную мобилизацию земли, несовершенство методов ее измерения, нужно признать, что проведение межевания на основе старой крепостной документации и писцовых книг конца XVII века, при условии ревизии прав владения землей, было практически невозможным. Кроме того, писцовое описание конца XVII столетия охватило не всю территорию Европейской России, и при межевании значительной части уездов приходилось бы привлекать материалы, относившиеся к более раннему времени. Межевание также было затруднено новыми принципами, положенными в его основу. Из их числа стоит прежде всего выделить обязательность размежевания бесспорных владений, в том числе развод земель смежных помещиков в одном селе, деревне или пустоши. Перемежевка владений, межеванных

после писцовых книг и по подновленным писцовым межам, еще более усложняла елизаветинское межевание. Отдельные положения Межевой инструкции изначально являлись предпосылкой к спорам и затягиванию межевания. В первую очередь это относится к разделу примерных земель между смежными вотчинниками в случае бесспорного владения. Установленная в Инструкции практика размеривания излишних земель, как справедливо отметил М.М.Шульгин, «удовлетворяла классовый интерес дворянства в целом» с точки зрения легитимации владения примерными землями, но «вела к столкновению отдельных индивидуальных дворянских притязаний».¹⁶⁸ Екатерининское межевание, ставшее первым за весь XVIII век осуществленным землеустроительным мероприятием такого масштаба, в значительной мере ушло проблемы, с которыми столкнулось межевое дело в предшествующее время.

Таким образом, в 1-й половине XVIII столетия дворянское землевладение не утратило своего феодального характера. Отношения собственности сохранили достаточно сложную структуру. Помимо непосредственного владельца имения, сюда были включены дворянские родовые корпорации и государство как верховный собственник земли. Неотъемлемой чертой светского феодального землевладения изучаемого периода являлось крепостничество. Вследствие этого в руках дворянина совмещались как собственнические, так и публично-правовые функции. Последние находили свое выражение в вотчинной юрисдикции помещика по отношению к зависимым крестьянам. Более того, на протяжении всей 1-й половины столетия правительство устранилось от регулирования отношений между помещиками и крепостными, а в 60-е гг. XVIII века произошло резкое расширение прав землевладельца на личность крестьянина. Земельная собственность не перестала быть сословной, а одним из основных процессов, протекавших в данной сфере, являлась монополизация дворянством права на владение землей. Это сопровождалось консолидацией привилегированного сословия и «уточнением» статуса различных социальных групп внутри него.

Пользуясь правом верховного земельного собственника, государство в 1-й половине XVIII века продолжало активно использовать пожалование и конфискацию земельных владений как средство перераспределения собственности в дворянской среде. Однако практика земельных пожалований претерпела существенную трансформацию. Если до 1714 г. они осуществлялись в рамках поместной системы и как следствие этого носили массовый характер, то в 1714-1736 гг. поместные раздачи являлись крайне редкими, а с 1736 г. полностью прекратились. Со времени указа о единонаследии пожалование земель постепенно приобретало наградной характер.

Несмотря на значительные изменения, произошедшие в течение 1-й половины XVIII века в юридическом статусе дворянской земельной собственности, связь между правом на землевладение и служилым характером сословия сохранялась, а слияние вотчины и поместья привело к тому, что под категорию условного владения подпадал весь контингент дво-

рянских земель. Как и ранее, недвижимое имущество дворянина являлось залогом добросовестного исполнения служебных обязанностей. Правительство продолжало рассматривать дворянство в качестве служилого сословия даже после издания Манифеста 1762 г. и Жалованной грамоты 1785 г., а право отписки вотчин без суда корона сохраняла за собой вплоть до середины 80-х гг. XVIII века. Однако коренным отличием от XVII столетия явилось то, что власть перестала заботиться о наделении служилого человека землей.

Условный и несвободный характер дворянской собственности также проявлялся в многочисленных ограничениях на владение и распоряжение недвижимостью. Они присутствовали не только на всем протяжении 1-й половины столетия, но и позднее.¹⁶⁹ Пиком подобных законодательных ограничений была первая треть XVIII века.

В изучаемое время, хотя и в меньшем объеме, сохраняются собственные права родовых корпораций по отношению к недвижимому имуществу отдельных их представителей. Это наиболее ярко проявлялось в функционировании институтов опеки и родового выкупа.

К 60-м гг. XVIII века завершился процесс постепенного изживания в межевой практике основы валовых описаний эпохи существования поместной системы – принципа ревизии и редукации. Уже с конца XVII столетия он перестает действовать как единое целое, и правительство в течение 1-й половины XVIII века постепенно отказывается от изъятия земель, находившихся в незаконном владении дворян. Генеральное межевание, проведенное Екатериной II, не предполагало в качестве общеобязательного принципа и ревизию прав владения. Как следствие этого, одним из основных направлений развития межевого законодательства 1-й половины XVIII столетия стало расширение права дворянства на примерные земли.

Итак, наиболее общей тенденцией эволюции законодательного регулирования дворянской поземельной собственности в исследуемый период необходимо признать сокращение объема собственнических прав государства и дворянского рода в пользу непосредственного владельца имения. Однако к кардинальным переменам это не привело. Несмотря на слияние вотчины и поместья, постепенную либерализацию дворянской службы, а затем и полную отмену ее обязательности, несмотря на видоизменение методов правительственного регулирования дворянского землевладения, его феодальный характер сохраняется. И даже к середине XVIII века собственность привилегированного сословия не освобождается от тех черт, которые придавали ей условный, ограниченный и несвободный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неволлин К.А. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т.2. С.120-121.

² Морошкин Ф.Л. О владении по началам российского законодательства. М., 1837. С.81,82; Неволлин К.А. История российских гражданских законов. Т.2. С.117-121; Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., 1948. С.102-105; Барг М.А. О природе феодальной собственности // ВИ. 1978. № 7. С.85; Носов Б.В. О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60–70-е годы XVIII в. // Проблемы истории СССР. М., 1983. Вып. XIII. С.67.

³ Носов Б.В. О праве распоряжения... С.67-68; Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в Средневековой Руси // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С.254,266-267.

⁴ *Барг М.А.* Указ. соч. С.94-95,96,101 и др.; *Преображенский А.А.* Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVII – начала XIX в. // ВИ. 1977. № 5. С.48 и др.; *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Эволюция феодализма в России. М., 1980. С.169,244.

⁵ *Барг М.А.* Указ. соч. С.95.

⁶ *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С.39-41; *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С.244; *Данилова Л.В.* Указ. соч. С.273-274; *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С.180.

⁷ *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т.2. С.26-35. Термин «благородно-ретенное имение» был впервые употреблен в Жалованных грамотах дворянству и городам 21 мая 1785 г. (ПСЗ. Т.XXII. № 16187. Ст.22; № 16188. Ст.88; *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т.2. С.27).

⁸ ПСЗ. Т.V. № 2789. С.91-92.

⁹ ПСЗ. Т.VIII. № 5633.

¹⁰ «Все старинная крепостные люди и по вотчинам и поместьям и по иным всяким крепостям люди и крестьяне вотчинником своим крепки и в таком исчислении, как о недвижимом имении положено» (Цит. по: *Маньков А.Г.* Крепостное законодательство в России первой четверти XVIII в. (по материалам проекта Уложения 1720-1725 гг.) // ЕАИВЕ. 1971. Вильнюс. С.147. См. также: *Замуруева А.С.* Проект Уложения Российского государства 1723-1726 гг. – памятник отечественной политико-правовой мысли. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. С.154).

¹¹ ПСЗ. Т.VIII. № 5633. С.346.

¹² РГАДА. Ф.342. Д.34. Ч.1. Л.21-22 об.,66-66 об.,193.

¹³ Первый вариант статьи датируется по времени составления главы в целом (Там же. Л.46); третий вариант – по пометке: «слушано в Сенате апреля 6 дня 739 года» (Там же. Л.193); второй вариант – по датировке (8 декабря 1738 г.) «рассуждения» Сената на первый вариант. В «рассуждении» предписывалось внести в статью изменения, которые были учтены во ее втором варианте (Там же. Л.99 об.).

¹⁴ См. выше: указы 1714 и 1730 гг. (ПСЗ. Т.V. № 2789; Т.VIII. № 5633).

¹⁵ ПСЗ. Т.XV. № 11511; Т.XVI. № 11681, 11715. Дворы и дворовые пустые места рассматривались как недвижимость и в указе 30 июля 1740 г. (Там же. Т.XI. № 8190).

¹⁶ ПСЗ. Т.XV. № 11511; Т.XVI. № 11681.

¹⁷ ПСЗ. Т.VII. № 5070. С.790.

¹⁸ ПСЗ. Т.VIII. № 5633; Т.XIV. № 10237. Гл. XXX. П.5; РГАДА. Ф.248. Д.740. Л.1220-1244; Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.1. Л.390-390 об. Право владения недвижимостью для государственных крестьян и посадских людей не отрицалось законодательством 1-й половины XVIII века, а даже косвенно подтверждалось (посадскому населению и черносошным крестьянам разрешалась покупка и продажа земель). См. указ от 23 марта 1753 г. (ПСЗ. Т.XIII. № 10082), а также указ 25 июля 1725 г., на который ссылается вышеупомянутый законодательный акт.

¹⁹ ПСЗ. Т.VI. № 3711; Т.IX. № 6858; Т.XII. № 9004; Т.XIII. № 9954, 10147; Т.XIV. № 10237. Гл. XXX. П.5; Т.XV. № 11490; РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.1. Л.390-390 об.

²⁰ ПСЗ. Т.IV. № 1839, 1828; Т.XV. № 11441, 11481; Т.XVI. № 12060; РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.1. Л.387-390. Ср.: Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. Гл.XVII. Ст.42-44 (далее – Соб. Улож.).

²¹ О статусе городских дворян см.: РГАДА. Ф.248. Д.1350. Л.246. (1731 г.).

²² ПСЗ. Т.VI. № 3890. С.491,492.

²³ ПСЗ. Т.XXII. № 16187. Ст.92.

²⁴ ПСЗ. Т.XIV. № 10237. Гл. XXX. П.2 и др.

²⁵ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.1. Л.390-390 об.

²⁶ ПСЗ. Т.XIV. № 10237. Гл. XXX; РГАДА. Ф.248. Д.6740. Л.531-538 об.

²⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // ИЗ. 1951. Т.38. С.250.

²⁸ ПСЗ. Т.XV. № 10796.

²⁹ Там же. № 10842.

³⁰ Там же. № 11148.

³¹ Проект Уложения 1754-1766 гг. Глава XXII. О дворянах и их преимуществах // Проект нового Уложения, составленный законодательной комиссией 1754-1766 гг. (Часть III «О состояниях подданных вообще») / Под ред. В.Н.Латкина. СПб., 1893. С.174-188.

³² ПСЗ. Т.XV. № 10900, 11255, 11340; Т.XIV. № 10508.

³³ ПСЗ. Т.XXII. № 16187. Ст.91,92.

³⁴ См. также: ПСЗ. Т.XIV. № 10237. Гл. XXXII, XXX. П.5,6,7. Проект Вотчинной главы Уложения Анны Иоанновны предписывал «быть за приказными людьми, ... которые не из шляхетства» и не в обер-офицерских рангах деревням «указному числу»: служащим в Санкт-Петербурге и Москве – не более 50 душ м.п. крепостных и 100 четвертей пашни в одном поле, а по другим городам – «вполю» против первых (РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.1. Л.390 об.-391).

³⁵ *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв. М., 1975. С.272-282.

³⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С.80; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб., 1909. С.218; *Неволин К.А.* История российских гражданских законов // *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. В 6-ти т. СПб., 1857. Т.IV. С.362-363.

³⁷ РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.109; Д.1378. Л.36 об.

³⁸ Там же. Д.691. Л.178-180; Д.1360. Л.110,116.

³⁹ Там же. Д.1360. Л.61-61 об.,110. См. также: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С.112,131.

⁴⁰ РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.109-110 об.

⁴¹ ПСЗ. Т.VIII. № 5717. С.396.

⁴² РГАДА. Ф.342. Д.34. Ч.П. Л.295-297,299 об.

⁴³ Там же. Л.297 об.-299 об.

⁴⁴ ПСЗ. Т.VIII. №. 5673. С.361; РГАДА. Ф.248. Д.477. Л.142-142 об.; Д.483. Л.317-323.

⁴⁵ Дело имеет титул «О диких землях. Марта 16, 1736 году» (РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.59-116).

⁴⁶ РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.60-60 об. Генерал-лейтенант А.И.Румянцев ссылается на доношение прокурора Казанской губернии С.Плохова.

⁴⁷ РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.60-60 об.

⁴⁸ Там же. Л.61-61 об.

⁴⁹ «Экстракт» фактически является перечнем фамилий челобитчиков на порозжие земли по Казанской губернии с указанием размеров и расположения земель, на которые было челобитье. Документ также содержит выдержки из актового материала, относящегося к данной проблеме.

⁵⁰ РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.63 об.-64 об.,108 об.

⁵¹ Там же. Л.114-115. В перечне государственных учреждений, которым были посланы указы, перечислены Коммерц- и Адмиралтейская коллегии.

⁵² РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.111-111 об. См. также: РГАДА. Ф.248. Д.2090. Л.136-137; ПСЗ. Т.IX. №. 6919. С.783-784.

⁵³ Данный указ упоминается в Межевой инструкции 1754 г. (ПСЗ. Т.XIV. № 10237. С.128).

⁵⁴ Точнее указ, поскольку в работах историков упоминается не серия указов по губерниям и провинциям, запрещающих раздачи из дикого поля и порозжих земель, а также их сыск, досмотр и обмеривание без разрешения Сената, а только один законодательный акт – сенатский указ от 16 марта 1736 г.

⁵⁵ РГАДА. Ф.248. Д.1378. Л.35 об.-36.

⁵⁶ Там же. Л.35 об.-37.

⁵⁷ Там же. Л.38-38 об.

⁵⁸ *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. 2-е изд. Киев, 1912. С.155.

⁵⁹ ПСЗ. Т.X. № 7236.

⁶⁰ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. СПб., 1898. Т.104. С.178-179; Юрьев, 1904. Т.117. С.31; РГАДА. Ф.248. Д.1354. Л.39.

⁶¹ ПСЗ. Т.X. № 7545, 7595; Т.XIII. № 9924, 9935 и др.

⁶² РГАДА. Ф.248. Д.691. Л.247-248 об.,275-275 об.,276-276 об.,313,318-319,352,630,638; Д.1354. Л.294,316-317; Д.1383. Л.1108; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726-1730 // Сб. РИО. СПб., 1888. Т.63. С.611-612.

⁶³ ПСЗ. Т.VII. № 4938.

⁶⁴ ПСЗ. Т.IX. № 6465; РГАДА. Ф.248. Д.1355. Л.708-711,712 об.

⁶⁵ ПСЗ. Т.XI. № 8675.

⁶⁶ *Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России: Экономико-историческое исследование. СПб., 1874; *Минарик Л.И.* Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX – начала XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. М., 1965. Сб.VI. С.356-395; ПСЗ. Т.XI. № 8666.

⁶⁷ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.129.

⁶⁸ РГАДА. Ф.248. Д.1379. Л.65-73 об.,1096-1209 об.; Д.1349. Л.686-697,749; Д.1354. Л.294; Д.1370. Л.40,886; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.145-146,134; 1902. Т.114. С.329; Т.117. С.340; ПСЗ. Т.XI. № 8637.

⁶⁹ РГАДА. Ф.248. Д.1379. Л.788-817,818-825,827-834 об.,881-891,892-894; Д.1354. Л.72-76,77-78 об.,208-210 об.,238-241 об.,294,311,333; Д.1349. Л.116-117,703-703 об.,733 об.,740; Д.1350. Л.186-190,440; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726-1730. С.525,611-612,627-628,629,659; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.129,220,322,323,334,335,446,451,465-466,519-520; 1900. Т.108. С.34,45,142.

⁷⁰ РГАДА. Ф.248. Д.1350. Л.381; Д.1354. Л.316-317; Д.1360. Л.61,63; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.197,199,369,522-523; 1899. Т.106. С.34-35; Т.108. С.459-461; 1901. Т.111. С.63.

⁷¹ ПСЗ. Т.XIII. № 9910.

⁷² РГАДА. Ф.248. Д.1354. Л.294; Д.1378. Л.39-103; Д.1379. Л.224-325; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.451; Т.108. С.45.

- ⁷³ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.108. С.162.
- ⁷⁴ Там же. С.ХVIII, 28-29; Т.111. С.63, 126-127, 283-284, 198; Т.114. С.171-172, 648.
- ⁷⁵ *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России: Первая половина XVIII века. М., 1964. С.65, 79; она же. К вопросу о дворянской собственности... С.278-279. Подсчеты Е.И. Индовой подтверждаются нашими данными: пожалования из отписных имений (см.: РГАДА. Ф.248. Д.1379. Л.751-759, 788-817, 881-891, 892-894; Д.1354. Л.208-210 об., 238-241 об.; Д.1349. Л.703-703 об., 733 об., 740, 830, 995, 997 об.; Д.1350. Л.186-190, 195, 831; Д.1354. Л.72-76 об., 77-78 об., 293, 294, 311, 333; Д.691. Л.312 об.; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726-1730. С.525, 627-628, 629; ПСЗ. Т.XI. № 8666. Пожалования из выморочных имений (см.: РГАДА. Ф.248. Д.691. Л.312 об.; Д.1354. Л.316-317; Д.1378. Л.150-168 об.; Д.1379. Л.788-817, 818-825, 827-834 об.; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726-1730. С.611-612). Пожалования из дворцовых деревень (см.: РГАДА. Ф.248. Д.1349. Л.116-117).
- ⁷⁶ *Преображенский А.А.* Указ. соч. С.51; *Сивков К.В.* Отписные книги начала XVIII века как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.-Л., 1941. Сб. III. С.368-369; *Ворожбитова М.В.* Документы канцелярии конфискации как источник для характеристики быта горожан середины XVIII в. // ВМУ. Сер.8. История. 1999. № 1. С.71-84. См. также: *Голикова Н.Б.* Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964. С.243-280.
- ⁷⁷ По данным Е.И. Индовой, большая часть случаев конфискации имений по вышеуказанным причинам приходится на время Петра I, но не исключительно – отписка за «нежелание нести царскую службу» встречается и в 1-й половине 50-х гг. XVIII века (*Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности... С.285-289. См. также: ПСЗ. Т.IX. № 7151; Т.XII. № 9013; Т.XV. № 10898).
- ⁷⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5266/212. Л.187, 349; *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности... С.285-289; Отписные книги (1 четверть XVIII в.) // Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С.372-379; ПСЗ. Т.VIII. № 5554, 5916; Т.XI. № 8682; Т.XIII. № 10061.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5266/212. Л.305-305 об.; ПСЗ. Т.IV. № 1761, 1960; Т.V. № 2845, 2988; Т.VI. № 3874; Т.VII. № 4295, Т.X. № 7913.
- ⁸⁰ *Соколова Е.С.* Сословное законодательство Российской империи. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. С.80; *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности... С.272-282; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века: Свод материала и подготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С.239.
- ⁸¹ ПСЗ. Т.XV. № 11444. Особо см. пункт 4.
- ⁸² ПСЗ. Т.XXII. № 16187. П.11, 24.
- ⁸³ В пункте 20 Жалованной грамоты дворянству записано: «Но как благородное дворянское название и достоинство истари, ныне, да и впредь приобретает службою и трудами, империи и престолу полезными, и существенное состояние российского дворянства зависимо есть от безопасности отечества и престола, и для того во всякое таковое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякий благородный дворянин обязан по первому призыву от самодержавной власти не шадить ни труда, ни самого живота для службы государственной» (ПСЗ. Т.XXII. № 16187. П.20). Манифест 1762 г. обратил внимание на моральную недопустимость «праздности» дворянства и призывал не служивших представителей сословия «яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать». Кроме того, «вольность» по Манифесту 1762 г. не распространялась на не обер-офицеров, служивших менее 12 лет в воинской службе (ПСЗ. Т.XV. № 11444 (заключение и пункт 8 Манифеста)).
- ⁸⁴ См. также: *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С.133-137, 143-144.
- ⁸⁵ По всей видимости оно не было реализовано (см.: *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI-XVIII вв. М., 1991. С.25).
- ⁸⁶ ПСЗ. Т.IV. № 2789; РГАДА. Ф.248. Оп.21. Д.1347. Л.53; Д.1354. Л.608-608 об.
- ⁸⁷ ПСЗ. Т.VIII. № 5658; РГАДА. Ф.248. Д.1899. Л.254 об., 221 об., 419 об., 445 об.
- ⁸⁸ ПСЗ. Т.V. № 2596.
- ⁸⁹ Там же. № 3013.
- ⁹⁰ ПСЗ. Т.VII. № 4722.
- ⁹¹ Там же. С.490, 494. Пунктами также была разрешена продажа «отеческого» наследственного имущества между братьями в том случае, если оно было справлено за ними «вообще» (обще) или разделено по жеребьям до указа о единонаследии (Там же. С.490).
- ⁹² *Протасов Г.А.* Кондиции и проекты 1730 г. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1954. С.268, 269.
- ⁹³ ПСЗ. Т.VIII. № 5653.
- ⁹⁴ ПСЗ. Т.II. № 634. Ст.3, 6-8 и др.; Т.VIII. № 5717; Соб. Улож. Гл.XVII. Ст.2, 4 и др.
- ⁹⁵ Выделение прожитка отсутствовало только в период между указами 23 марта 1714 г. и 15 апреля 1716 г.
- ⁹⁶ ПСЗ. Т.IV. № 2471. См. также: Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.174-177; ПСЗ. Т.V. № 2789. П.7.
- ⁹⁷ ПСЗ. Т.VII. № 4704, 4722. С.494. До 1729 г. фраза: «из имения своего продал или заложил для совершенных своих нужд и расплаты долгов» являлась неотъемлемой частью формуляра купчей

- или закладной. Однако из этого отнюдь не следует, что сделки с недвижимостью не производились в иных случаях (РГАДА. Ф.248. Д.1347. Л.53).
- ⁹⁸ РГАДА. Ф.248. Д.1347. Л.53.
- ⁹⁹ ПСЗ. Т.V. № 3204; Т.XIV. № 10238; РГАДА. Ф.248. Д.1360. Л.200-205; Д.1370. Л.490, 886; Д.1379. Л.518; Соб. Улож. Гл.II. Ст.5, 8-10. Кроме того, конфискованное имущество отделялось от имений поступивших по закладу и продаже во владение других лиц до совершения преступления (ПСЗ. Т.XIV. № 10238; РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.II. Л.5 об.-6).
- ¹⁰⁰ ПСЗ. Т.VIII. № 5276; Т.XI. № 8822.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.II. Л.7 об.-8; Ф.248. Д.1354. Л.34; Соб. Улож. Гл.XVII. Ст.38. Запрет на выкуп имения изменника, по мнению К.А. Неволлина, говорил о том, что «изменою прекращаются права родства» (*Неволин К.А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т.3. С.85).
- ¹⁰² РГАДА. Ф.248. Д.691. Л.185-186 об.; Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.II. Л.4 об.-5, 7 об.-8.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф.248. Д.1369. Л.1402-1403; Д.1345. Л.81-83 об., 131-135 об.; Д.1374. Л.1120-1124; Д.1346. Л.131-133 об.; Д.1366. Л.619-621 об.; Ф.1209. Оп.4. Д.5266/212. Л.84-84 об., 247; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.322, 341; Т.108. С.167; Т.117. С.351-352. См. также книги запретов и разрешений на сделки с недвижимостью (РГАДА. Ф.1209. Оп.81. Д.1, 2).
- ¹⁰⁴ РГАДА. Ф.248. Д.1383. Л.1089-1091; Д.1354. Л.184-191 об.; Д.1073. Л.525-529; ПСЗ. Т.XV. № 10954.
- ¹⁰⁵ ПСЗ. Т.V. № 2789. П.5.
- ¹⁰⁶ Более ранних указов не обнаружено, а самые ранние челобитные по этому вопросу относятся к 1726-1727 гг. (см.: РГАДА. Ф.248. Д.691. Л.198-198 об., 199-199 об.).
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф.248. Д.1349. Л.483-489; Д.1350. Л.429-434 об., 529-532 об.; Д.1354. Л.65-71, 305-310 об., 348-355, 357-365; ПСЗ. Т.VIII. № 5462, 5817, 5975; Т.IX. № 6458; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731-1740 // Сб. РИО. Т.104. С.72-73, 459, 545-546; Т.106. С.18, 340-342; Т.114. С.267-268. За период с 1729 г. по 1747 г. нами было обнаружено только 12 случаев подобного разрешения, из них 11 – за период с 1729 по 1736 г.
- ¹⁰⁸ ПСЗ. Т.XI. № 8363, 8637.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф.248. Д.1383. Л.1073 (1747 г.).
- ¹¹⁰ ПСЗ. Т.V. № 2789.
- ¹¹¹ Соб. Улож. Гл.XVII. Ст.27.
- ¹¹² ПСЗ. Т.X. № 7339; Т.XII. № 8936.
- ¹¹³ Соб. Улож. Гл.XVII. Ст.27. Исключение составляли братья и племянники, «приложившие руки» к крепостям, а также их потомки до 2-го колена включительно (Там же).
- ¹¹⁴ ПСЗ. Т.V. № 2789. П.13.
- ¹¹⁵ ПСЗ. Т.X. № 7339; Т.XII. № 8936; Т.XIV. № 10461; Т.XVII. № 12782.
- ¹¹⁶ Соб. Улож. Гл.XVII. Ст.30, 27, 29. Уложение также предусматривало установление размера выкупной суммы «по сказкам» владельцев имений, в том случае, если подобное условие было оговорено в крепостях при продаже или закладе. «Взятье по сказкам» отменялось указом 1714 г. (Соб. Улож. Гл.XVII. Ст.28; ПСЗ. Т.V. № 2789. П.13).
- ¹¹⁷ По указу 1744 г., кроме того, предписывалось не отчуждать в течение одного года справленные по просрочке имения, для того чтобы у заложившего была возможность их выкупа в течение этого срока по первой цене (ПСЗ. Т.XII. № 8936. П.2). По мнению Б.В. Носова, принцип оплаты «новоприбылого строения» при выкупе родового вотчины, сохранявшийся вплоть до 1744 г., «противоречил традиции». Однако данное утверждение весьма спорно, поскольку этот принцип предусматривался еще в Уложении 1649 г. (см.: *Носов Б.В.* Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-е гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. С.105-106; Соб. Улож. Гл.XVII. Ст.27-29).
- ¹¹⁸ ПСЗ. Т.V. № 2789; Т.X. № 7339. Т.XII. № 8936. Уложение 1649 г. не определяло очередность родственников при выкупе родового имущества и не ограничивало их право на выкуп степенями родства (исключения см. выше). Кроме того, Уложение не устанавливало необходимости разрешений на выкуп одному представителю рода от другого.
- ¹¹⁹ ПСЗ. Т.XIV. № 10461; Т.XVII. № 12782.
- ¹²⁰ *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. (размеры и размещение). М., 1988. С.7-26; *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. По материалам южных уездов России. Воронеж, 1974. С.29-31, 90.
- ¹²¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1956. С.87-88; *Герман И.Е.* История межвекового законодательства от Уложения до генерального межвекового (1649-1765). М., 1893. С.219-224.
- ¹²² *Герман И.Е.* Указ. соч. С.379-380. См. также: РГАДА. Ф.248. Д.6744. Л.351-352 об.
- ¹²³ См. также: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730-1735 г. СПб., 2001. С.66-94.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.I. Л.1 об.; Ч.II. Л.401-456 об.

- ¹²⁵ ПСЗ. Т.VIII. № 5739.
- ¹²⁶ РГАДА. Ф.342. Д.34. Ч.П. Л.295-299 об.; Ф.248. Д.1378. Л.35 об.-37.
- ¹²⁷ РГАДА. Ф.248. Д.746. Л.311-336 об.; Д.6740. Л.21-70; Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.П. Л.401-456 об.
- ¹²⁸ Дата содержится в тексте первого варианта Писцового наказа (П.17) (РГАДА. Ф.248. Д.746. Л.321 об.). Упоминания о работе над Писцовым наказом также есть в журналах Правительствующего Сената (заседания 16, 23 и 27 сентября 1731 г.) (Там же. Д.1902. Л.40 об., 58,59).
- ¹²⁹ В этот день из Сената «собрания Уложения членом» был прислан «вновь исправленной межешников наказ» (2-й вариант) (РГАДА. Ф.248. Д.6740. Л.17 об.).
- ¹³⁰ Герман И.Е. Указ. соч. С.310. См. также: РГАДА. Ф.248. Д.746. Л.377-377 об.
- ¹³¹ ПСЗ. Т.II. № 1074. С.596-599,602-603,606-607 (П.13-15,21,28,29,31-32,34); РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.П. Л.415-415 об.,421 об.-422,426 об.-431 об.,435 об.-436 (П.11,17-18,25,27-29,32); Ф.248. Д.746. Л.324-325 об.,331-331 об. (П.21-23,32).
- ¹³² РГАДА. Ф.248. Д.746. Л.3-3 об.
- ¹³³ Герман И.Е. Указ. соч. С.310.
- ¹³⁴ См. примечание редактора (Документы по Межеванию 30-х гг. XVIII в. // МВ. 1884. № 8. С.61).
- ¹³⁵ Там же. С.60-62.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф.248. Д.746. Л.7 об.,14,46-46 об.,49,52-54 об.,101-101 об.,199-200.
- ¹³⁷ ПСЗ. Т.VIII. № 5793.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф.248. Д.6744. Л.350-350 об.
- ¹³⁹ Документы по Межеванию 30-х гг. XVIII в. // МВ. 1884. № 8. С.54-55.
- ¹⁴⁰ РГАДА. Ф.248. Д.1366. Л.897,898,907-907 об.
- ¹⁴¹ См.: Гл.XXVIII. П.3. Межевой инструкции 1754 г. (ПСЗ. Т.XIV. № 10237. С.145).
- ¹⁴² Наряду с главой 9-й «О даче земель из диких поль и о порожжих обводных землях», определявшей нормы поместных раздач по указным статьям для существовавших в то время чинов, в состав проекта входили главы, базировавшиеся на принципе единства статуса поместья и вотчины (РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.П. Л.66-66 об.,193; Ч.П. Л.411 об. и др.).
- ¹⁴³ Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С.17-18; Недосекин В.И. Источники роста крупного землевладения на юге России в XVIII столетии // Из истории Центрально-Черноземных областей. Воронеж, 1967. С.252-325 (Известия ВГПИ. Т.63); Белявский М.Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную Комиссию 1767-1768 гг.). М., 1984.
- ¹⁴⁴ ПСЗ. Т.II. № 1074. С.596-597 (П.13,14,15); РГАДА. Ф.248. Д.746. Л.323 об.-325 об. (П.21,22,23); Ф.342. Оп.1. Д.34. Ч.П. Л.415-415 об. (П.11. Арт.1,2.).
- ¹⁴⁵ Важинский В.М. Указ. соч. С.100-101.
- ¹⁴⁶ ПСЗ. Т.XIV. № 10237. С.111. (Гл.IV. П.1).
- ¹⁴⁷ Инструкция декларировала, что если в результате межевания по крепостям и писцовым книгам «у которого владельца из его писцовой межи или владения несколько примерной земли, лесов и сенных покосов и выбудет, и то ему в разсуждении общей Государству пользы обидно быть не может, да по самой справедливости оно ему никогда и не принадлежало, а только прежними межешниками, сверх надлежащаго числа, отмежевано ему излишнее из Государственных земель, по какому либо пристрастию неправильно, что за действительно ныне таковой межи и утвердить не должно» (ПСЗ. Т.XIV. № 10237. С.111. (Гл.IV. П.1)).
- ¹⁴⁸ Там же. С.112,125. (Гл.IV. П.3; Гл.16. П.5.).
- ¹⁴⁹ Там же. С.112. (Гл.IV. П.2,3).
- ¹⁵⁰ Там же. С.133. (Гл.XX. П.17); № 10406. С.360-361.
- ¹⁵¹ Милов Л.В. Указ. соч. С.12. См. также: Шульгин М.М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. М., 1928. С.150.
- ¹⁵² ПСЗ. Т.XIV. № 10237. С.111. (Гл.IV. П.1). В соответствии с указом от 17 мая 1755 г., при «полобовном разводе» примерные земли передавались помещикам по 3 копейки за 1,5 десятины (ПСЗ. Т.XIV. № 10406).
- ¹⁵³ Шульгин М.М. Указ. соч. С.124; Рахматуллин М.А. Комментарии / Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.23-24 // Соловьев С.М. Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.XII. С.631. См. также: Милов Л.В. Указ. соч. С.12-13. Практика размеривания примерных земель между смежными владельцами, в результате которой некоторые собственники теряли часть земли, не может рассматриваться как проявление принципа редукции, поскольку обратной стороной этого процесса была примежевка этой же земли к имениям других вотчинников, а понятие «редукция» предполагает изъятие земель, находящихся в незаконном владении, в пользу государства.
- ¹⁵⁴ Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн.3. С.158.
- ¹⁵⁵ В самой Инструкции цели межевания определены следующим образом: «И тако, когда вся земля измерена, известна будет, то уже вперед причины к спорам и дракам, как донные происходят, быть не может; да и все владельцы точно определенным и известным числом владеть будут» (ПСЗ. Т.XIV. № 10406. С.111-112. (Гл.IV. П.1)).
- ¹⁵⁶ Важинский В.М. Указ. соч. С.101-102; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 93; Законодательные акты Русско-

- го государства второй половины XVI – первой половины XVII века.: Комментарии. Л., 1987. № 93. С.137-138; Собр. Улож. Гл.XVII. Ст.18,21,45; Гл.XVI. Ст.60.
- ¹⁵⁷ В период существования поместной системы государство лишь подчеркивало различие между двумя формами земельной собственности, предусматривая продажу примерных земель только в случае перехода их из разряда поместных в вотчинные (ПСЗ. Т.II. № 1074. П.13,14. С.596).
- ¹⁵⁸ Безвозмездное межевание примерных земель в случае «полобовного» их развода между владельцами при Екатерине II не противоречит нашему утверждению. Отказ от ревизии прав владения в данном случае был вынужденным из-за невозможности реализации этой процедуры в масштабах всего государства.
- ¹⁵⁹ РГАДА. Ф.248. Д.6746. Л.281-291.
- ¹⁶⁰ Там же. Л.286.
- ¹⁶¹ См. также: Носов Б.В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-е гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. С.119.
- ¹⁶² РГАДА. Ф.248. Д.6746. Л.285 об.,286, 287.
- ¹⁶³ Там же. Л.289-289 об.
- ¹⁶⁴ Там же. Л.289 об.-290.
- ¹⁶⁵ Там же. Л.286 об.,287,290 об.
- ¹⁶⁶ Там же. Л.291. Подобная методика была использована Екатериной II (ПСЗ. Т.XVII. № 12659. С.719-720,722-723), и она принесла успех межевому делу.
- ¹⁶⁷ РГАДА. Ф.248. Д.6744. Л.347-349 об.,353-354,368,403,419-422 об. Первоначально в межевании участвовало 1183 человек (Там же. Л.350-350 об.).
- ¹⁶⁸ Шульгин М.М. Указ. соч. С.125-126.
- ¹⁶⁹ Анализ законодательных ограничений прав дворянства на землю в 60–70-е гг. XVIII века см.: Носов Б.В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России в 30–70-е гг. XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук; он же. О праве распоряжения... С.66-81.